

СВЕТЛАНА АЛЕШИНА

Темная связь

Сериял «Панарацци»

Папарацци

Светлана Алешина
Темная связь (сборник)

«Научная книга»

2005

Алешина С.

Темная связь (сборник) / С. Алешина — «Научная книга»,
2005 — (Папарацци)

Ольга Бойкова, главный редактор газеты «Свидетель», была рада побывать в гостях у самой Авдеевой – владелицы преуспевающей косметической фирмы. Ее особняк производил впечатление! Потрясающий ужин, вино, музыка и... странные игры в темноте. Но вот зажигается свет, и на полу – труп гостыи. Под подозрение, естественно, попадают все. Ольга с уверенностью может исключить только себя да Антона, выходившего за шампанским. В очередной раз, поддавшись искушению, она решает вычислить убийцу. Благо приглашенных было только пятеро...

Содержание

Темная связь	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Светлана Алешина

Темная связь (сборник)

Темная связь

Глава 1

Снег выпал пятого. Мокрый и густой, он целую ночь и все утро засыпал неожиданно притихший город. Но все его старания пошли прахом, если не считать легких пышных покрывал на клумбах и в парках: он быстро таял под ногами прохожих и под колесами авто. Мириады снежинок разбивали свой прихотливый пушистый узор о черную безликую гладь городских тротуаров. С первым снегом в моем сердце всегда воцаряется какая-то смутная тоска. Это словно вежа – осень позади. Это напоминание о непреложном ходе времени, не знающем сострадания и жалости.

Но тоска причудливым образом соседствует во мне с необъяснимым детским восторгом. Ведь первый снег – это всегда начало чего-то светлого и радостного, это всегда какой-то задел, исток новой зимы, влекущей за собой череду праздников, обещание тайны и откровения, смешанных ароматов непередаваемо сладостной смолистой свежей хвои и расплавленного воска горящих свечей. Зима для меня – это некий ренессанс детства, шумные игры с румянцем во всю щеку и затаенный трепет ожидания чуда...

Я притормозила у очередного светофора и посмотрела направо. Рядом со мной остановился изумрудный «Ауди». Сидящий за рулем молодой мужчина скосил глаза в мою сторону. Это был шатен с модной стрижкой, приятным матовым лицом и жесткими серыми глазами. Его не совсем правильный, но мужественный профиль четко вырисовывался в окне. На миг наши глаза встретились, но я быстро отвела взгляд и приковала его к светофору, на котором уже зажегся желтый. Мы стартнули одинаково энергично, если не сказать резко. Потом мне пришлось пропустить темно-зеленый «Ауди» вперед. Он ловко маневрировал в потоке авто, и вскоре я потеряла из вида его слегка запорошенный снегом багажник и заднее стекло, на котором смутно мерцали тонкие влажные полосы.

Через десять минут я остановила машину у редакции. К моему удивлению, зеленый «Ауди» стоял чуть поодаль. Впрочем, я не придавала этому особого значения, выключила двигатель и вышла из машины. Снег тут же покрыл мое короткое норковое пальто тонкой белой паутиной. Я затянула пояс, подняла воротник и поспешила войти в помещение.

В редакции царила рабочая атмосфера. В коридоре мне попался навстречу наш фотограф Валя. Мировой парень, скажу я вам. Эрудит, имеющий за плечами музыкальное образование и педагогическую практику, вынудившую его сменить амплуа и заняться более прибыльным делом. Одет Валя был в неизменный темно-синий свитер и потертые джинсы. Выглядел то бодрым и жизнерадостным, то рассеянным и отрешенным. Мне он напоминал какого-то полярного исследователя или погруженного в другие эпохи археолога. К своему ремеслу фотографа Валя относился со всей серьезностью и ответственностью, на которые был способен. Романтическая закуска импровизатора и творческое горение, острый глаз и музыкальная виртуозность пальцев сделали его профессионалом с большой буквы. Фотографию он безоговорочно считал искусством и стремился достичь в ней совершенства.

– Привет, – улыбнулась я ему, – фото с ярмарки готовы?

– А как же! – Широкая улыбка озарила Валькино лицо. – Принесу сейчас.

– Отлично.

Я вошла в секретарскую. Маринка суежилась у электрочайника.

– Привет, – поздоровалась я, – Сергей Иванович у себя?

– Уже полчаса как пришел. Кофе?

– Не откажусь. – Я вошла в кабинет, бросила на кресло портфель, сняла пальто и подошла к висевшему на стене овальному зеркалу.

Маринка вошла следом. Она поставила на мой рабочий стол чашечку с дымящимся кофе.

– Печенье, бутерброд? – любезно поинтересовалась она.

– Ни того, ни другого, – шутливо отмахнулась я.

– Диета, что ли? – с недоумением посмотрела на меня Маринка. – По-моему, твоей фигуре ничего не грозит.

– Спасибо, конечно, только я так не считаю. – Я припудрила нос и подбородок и поправила прическу. – Да не смотри ты на меня так, на диету я не села, просто уже позавтракала.

– Классный у тебя костюм, – окинула меня Марина восхищенным взглядом.

– «Шульман», – небрежно сказала я, – практично и со вкусом.

– Надо зайти на днях, что-нибудь подобрать, – Марина тоже подошла к зеркалу.

Я села за стол и стала разбирать бумаги.

– Так, – отложила я счета за рекламу, – это Сергею Ивановичу, это – Стасику...

Маринка крутилась перед зеркалом.

– Я возьму? – кивнула она в сторону отложенных бумаг.

– Я сама захвачу. – Я сделала последний глоток кофе и поспешила в кабинет своего зама.

Мой заместитель, таких еще поискать! Деловой, энергичный, сообразительный, опытный, вежливый и корректный. Настоящий профессионал и к тому же палочка-выручалочка. Море полезной информации, обилие связей и нужных знакомств. Проницателен и доброжелателен, умен и тактичен. Не без недостатков, конечно. Но я легко мирюсь с ними. Это даже не недостатки, а скорее гипертрофированные, доведенные до абсурда добродетели. Скрупулезность и моральная щепетильность при этом перерастают в стариковское занудство, ригоризм, сознание своего старшинства и ответственность – в привычку читать нотации и проповеди. Прибавьте сюда тщеславие, лукавство, мудрую смекалку и некоторое вольнодумство, и вы получите портрет Кряжимского Сергея Ивановича.

– Доброе утро, – широко улыбаясь, я переступила порог его кабинета.

– Привет, Оленька, – он доброжелательно взглянул на меня из-за стекол своих очков.

У Кряжимского сидел посетитель, который и не подумал оглянуться, когда я вошла. Воротник черного пальто был поднят, несмотря на то, что кабинет Кряжимского был неуязвим для ветра и снега.

– Вот счета за рекламу. – Я приблизилась к столу Кряжимского и положила перед ним пачку бумаг. – Я вас хотела спросить, что у нас по «Чайной розе»? Они будут давать рекламу?

– А вот как раз представитель фирмы, – оживленно зажегистукировал Кряжимский, – Валерий Владиславович Кирсанов. А это моя начальница, главный редактор нашего еженедельника Бойкова Ольга, – представил он меня.

Я поглядела на сидевшего рядом господина Кирсанова и... узнала в нем водителя обогнавшего меня темно-зеленого «Ауди». Он поднял глаза, но его замкнуто-непроницаемое лицо не выразило ни малейшего удивления или интереса.

«Мумия или восковая фигура», – прокомментировала я про себя.

– Добрый день, – холодно сказал он, даже не потрудившись встать.

– Здравствуй, – вяло отозвалась я.

Внешность и манеры этого чопорного представителя парфюмерно-косметической фирмы «Чайная роза» меня прямо-таки замораживали.

– Я тут обрисовал Валерию картину, – дипломатично начал Кряжимский, – он недоволен нашими ценами...

– Вот как? – Я села в соседнее кресло и принялась бесперемонно разглядывать посетителя. – Ну что ж, – задумчиво сказала я, – пускай тогда Валерий Владиславович найдет для «Чайной розы» более приемлемый вариант.

Моя реплика прозвучала довольно жестко, и я уже ждала нотаций от Кряжимского, который, едва мы останемся одни, примется по-отечески занудно и терпеливо разжевывать мне азы коммерческой и гражданской дипломатии.

– Вы не очень-то любезны, – неодобрительно покосился на меня Кирсанов, – слишком молоды, – снисходительно добавил он и насмешливо посмотрел на меня.

В уголках его хорошо очерченного рта подобно оставленному в тепле молоку закисло двусмысленная улыбочка. От меня не укрылось, с каким пренебрежительно-игривым выражением его взгляд скользнул по мне.

– Вы тоже не очень покладисты, – решила поставить я его на место, – ваша руководительница не жалует журналистов, отказывается от интервью, вы не согласны платить за рекламу столько, сколько положено... Я могла бы вам сказать, что цены у нас щадящие, что качество рекламы, сроки ее помещения и общий тираж газеты, обеспечивающий большую аудиторию читающих, позволят вашей фирме успешно завоевывать рынок и так далее. Но это в случае, если бы вы проявили желание участвовать в диалоге...

Я стремилась сохранять ровную интонацию, но чувствовала, что в мой голос закралась какая-то обида.

– Так с чего вы взяли, что я не намерен вступить в переговоры? – с вызовом посмотрел на меня Кирсанов.

Сказать по правде, мне приятней было бы общаться с неким нейтральным господином, в меру вежливым и благожелательным, не строящим из себя эдакого крутого бизнесмена, как этот важный господин в элегантном черном пальто и гонором сверхчеловека. Я за здоровую официальность, за спокойную деловитость с учетом интересов обеих сторон.

– Достаточно на вас взглянуть, – сорвалось у меня с губ.

Я тысячу раз пожалела об этой своей скоропалительности, усматривая в ней наследие полудеревенского прошлого.

«Воспитывай же себя в конце концов», – скомандовала я себе, с досадой закусив нижнюю губу.

– А что, у меня внешность монстра? – возмутился Кирсанов.

– Оленька, – вмешался Кряжимский, – мы с Валерой не первый год знаем друг друга, позволь, я сам улажу этот вопрос с оплатой?

Он умоляюще, точно бедная нянька на избалованного ребенка, посмотрел на меня.

– О'кей, – ответила я и, обдав Кирсанова ледяным взглядом, направилась к двери, – Сергей Иванович, когда освободитесь, зайдите, пожалуйста, ко мне.

– Обязательно, – поспешил заверить меня Кряжимский.

Усевшись за свой стол, я принялась корить и упрекать себя. Моя резкость, которую я так часто принимала за принципиальность и феминистскую жесткость, как и доставшееся мне по наследству от моей матушки упрямство, сослужили мне дурную службу. Что было виной моей несдержанности? Ведь мне удавалось держать себя в руках и при более мощном раздражителе и даже актерствовать. Настроение у меня было неплохое, на работе все в порядке. Я понять не могла, что за муха меня укусила.

Минут через десять ко мне в кабинет пожаловал Кряжимский.

– Вот ведь незадача, – с сожалением произнес он, садясь напротив меня, – уговаривал, уговаривал, а, кажется, все впустую.

– Что вы так сокрушаетесь, – укоризненно посмотрела я на своего зама, – не хочет, не надо. Что мы, разоримся?

– Да не разоримся, конечно. Просто хотелось все по-дружески решить, – промямлил Кряжимский, – а между прочим, Валера, уходя, просил тебе передать, что он очень сожалеет, что все так вышло.

– Я сама сожалею, – сказала я чистую правду, – а кто он в этой фирме?

– Коммерческий директор, дельный парень. Если б, говорит, все от меня зависело... – Кряжимский как-то виновато посмотрел из-под очков.

– Да уж, такую мегеру, как их начальница, трудно найти. Властная, привыкла обо всех ноги вытирать. Не знаю, как она с французами поладила и что они здесь делают? – пренебрежительно сказала я.

– Как это – что делают? – беспокойно заморгал Кряжимский. – Если с этой Авдеевой связались, значит, интерес имеют. А тебе, кстати, косметика «Чайной розы» нравится?

– Сергей Иванович, – решила я поддеть немного своего зама, – у «Чайной розы», между прочим, и мужская линия есть. Купите что-нибудь, попробуйте на себе.

Я хитро улыбнулась.

– Стар я уже косметикой баловаться, – скромно заметил Кряжимский, – а вот ты...

– Да хватит вам стариком прикидываться. Помните, как Мэрилин на вас запала? – напомнила я ему об одной нашей знакомой.

Полгода назад я расследовала обстоятельства смерти ее мужа. Дамочка была не просто экзальтированной, но с явными признаками шизофрении и истерии.

– Да у нее не все дома, у этой Мэрилин, – засмеялся Сергей Иванович.

– Не одна она вас окрутить хотела. – Я лукаво посмотрела на Кряжимского. – Последуйте моему совету, купите, к примеру, крем для бритья или после бритья, вы же бреетесь?

Кряжимский охватил рукой подбородок.

– Конечно, бреюсь, – рассеянно сказал он.

– Что вы новшества чураетесь? Помните, я вам рекомендовала «Галлину Бланку»? Замечательная вещь. А для закоренелых холостяков и одиноких мужчин это вообще находка.

– За «Галлину Бланку» тебе, конечно, спасибо, – меланхолично улыбнулся Кряжимский, – а вот насчет продукции «Чайной розы»...

– А что, правда говорят, что эта Авдеева у Земляного из «Тарасовских известий» камеру выхватила и об стол шваркнула? – любопытствовала я.

– Правда. Чокнутая, – покачал головой Кряжимский.

– Чокнутая не чокнутая, а посмотрите, как поднялась – с французами совместное предприятие организовала, да не с кем-нибудь, а с фирмой «Арно».

– Тебе лучше знать... – уклончиво сказал Кряжимский.

– Косметикой «Арно» я пользовалась и осталась довольна. А все-таки, – задумалась я, – вот бы у этой мегеры интервью взять! Представляете заголовок: «Госпожа Авдеева – для газеты «Свидетель»? Или «Госпожа Авдеева исповедует...»?

– Или, – подхватил Кряжимский, – «Госпожа Авдеева – только «Свидетелю!» и ниже – «Исповедь: какой я была, какой стала...»

– А что, Сергей Иванович, тщеславный народ журналисты?

– А куда же без него, Оленька, без тщеславия, без честолюбия и жажды сенсации? – мудро заметил Кряжимский.

– Так что же, Авдеева ведет замкнутый образ жизни? – спросила я.

– Ну-у, мне-то откуда знать? Дама она важная, гордая...

– Неужели с вами ваш приятель не откровенничал? – настаивала я.

– Она предпочитает вращаться в избранном обществе, несколько человек... Знает себе цену. Праздников и вечеринок не гнушается, но опять же в узком кругу. Вот, например, Валерка сказал, что завтра у нее в доме состоится вечеринка.

– Седьмое ноября отмечать будут? – насмешливо спросила я.

– Ну, это просто повод, – почесал в затылке Кряжимский, – Валерка приглашен, но, как он сказал, не знает, радоваться или грустить по этому случаю...

– Что так? – с недоумением спросила я.

– Авдеева, видишь ли, очень тяжелый человек. Валерий старается контакты с ней свести до минимума...

– И как же ему это удастся, ведь он работает непосредственно с ней? – Я вопросительно взглянула на своего зама.

– Я же сказал: старается, – с оттенком недовольства в голосе произнес Кряжимский.

– А как бы эта дамочка отнеслась к появлению на ее вечеринке незнакомого человека, которого бы прихватил с собой один из приглашенных? – Я почувствовала, как в крови закипает веселый азарт.

– Черт его знает, – пожал плечами Кряжимский и вдруг с беспокойством посмотрел на меня. – Ты что это затеяла?

– Да не волнуйтесь вы, Сергей Иванович, это не смертельно, – пошутила я, – просто я подумала, а что, если воспользоваться вашим знакомым, чтобы попасть на эту вечеринку?

Услышав такое, Кряжимский открыл рот от удивления.

– Да я не знаю, удобно ли... – растерянно промямлил он, не отрывая от меня глаз.

Моя задумка, конечно, озадачила щепетильного и деликатного сверх меры Кряжимского. Но идея мне понравилась, во-первых, своей спонтанной оригинальностью, а во-вторых, своим задорным авантюризмом.

– Но ведь он же... – опять замялся Кряжимский, почесывая большим и указательным пальцами свой идеально выбритый подбородок.

– Вас смущает наша взаимная неприязнь? Спешу вас успокоить, таковой просто не существует. Сама не знаю, что на меня нашло... – беззаботным тоном произнесла я.

– Валерий тоже не подарок, – по-отечески миролюбиво начал Кряжимский, – сама понимаешь, руководство таким предприятием... Ведь оно практически на нем одном и держится... Молодой, а нервная система расшатана донельзя...

– И не говорите, – стала я подыгрывать рассудительному Кряжимскому, – кому, как не мне, это знать? А ваш знакомый случайно не любовник этой уважаемой миссис?

– А почему ты спрашиваешь? – с недоумением посмотрел на меня Сергей Иванович.

– Думаю, уместно ли будет появиться на вечеринке у Авдеевой в обществе вашего симпатичного знакомого... – Я загадочно посмотрела на своего зама.

Мое неотступное решение побывать на празднестве и таинственный вид встревожили Кряжимского не на шутку.

– Ну зачем нам все это, Оля? Только для того, чтобы в случае удачи мы оповестили весь город о том, что Авдеева предпочла «Свидетель» всем другим тарасовским газетам?

Раздосадованный моей суетностью, Кряжимский сокрушенно покачал головой.

– Сергей Иванович, – шутливо погрозила я ему пальчиком, – вспомните, что вы только что говорили о присущем журналистам тщеславию? Ну, есть такой грешок, не скрою. Я бы даже сказала, не тщеславие, а нормальная конкуренция. Почему бы не блеснуть? Подумайте сами, ведь это дополнительное число читателей. Люди подумают: уж если такая фифа, как Авдеева, дает интервью «Свидетелю», значит, стоящие ребята работают в этой газете.

– Все это хорошо, – продолжал упираться Кряжимский, – но как сам Валерий прореагирует на твоё предложение? Очень сомнительно, что он, зная о крутом нраве своей хозяйки и учитывая ее неприязнь к прессе, захочет рискнуть своей репутацией в фирме, да что уж говорить – своей работой.

Я призадумалась.

– А если с ним договориться, что я не буду представляться как журналист и, только наладив хороший контакт с Авдеевой, раскрою свои карты? – настаивала я.

– Ну и упрямая же ты, Бойкова, – со смесью досады и уважения посмотрел на меня Кряжимский, – ты что же это, вынешь из сумки свой «Никон» и станешь ее фотографировать, задавать ей вопросы? Да она просто вышвырнет тебя, и все!

В глазах Кряжимского опять появилось тревожное выражение.

– А если у меня будет в сумке диктофон и я вызову ее на разговор, на доверительную беседу?

– Так все равно мы не сможем опубликовать это интервью без ее согласия... Оставь эту затею, Оля.

В голосе Кряжимского начала сквозить занудно-отеческая, нетерпимая для меня интонация мудрого, но чересчур осторожного наставника.

– Ну, это мы еще посмотрим. Так Валерий не...

– Нет, насколько мне известно, у него с мадам Авдеевой исключительно деловые отношения. Он очень способный менеджер, хорошо знает маркетинг, умеет налаживать контакты...

– Что-то не заметила, – язвительно сказала я.

– Ну-у, – воскликнул Кряжимский, – вы оба молодые, ершистые, и потом, знаешь, – он лукаво сощурил глаза, – мне кажется, ты ему понравилась. Просто он не хотел показывать этого. Подростковый комплекс, – изрек напоследок просиявший оттого, что нашел такое удачное, такое научное определение, Сергей Иванович.

– Тем лучше, – не отступала я, – я предложу составить ему компанию на эту вечеринку, а за это...

– Но одного мужского интереса мало, чтобы он решился пойти тебе навстречу, на карту поставлено слишком много, – сказал Кряжимский.

– Да дайте мне договорить, Сергей Иванович, – почти возмущенно воскликнула я, – мы предложим ему не оплачивать рекламу... В награду, так сказать.

– Ну, Бойкова, ты даешь! – вытаращил на меня глаза Кряжимский, – что это за манипуляция?

– Владелица газеты – я? – с веселым вызовом спросила я.

– Ты, – настороженно произнес Сергей Иванович.

– Значит, сама могу решить этот вопрос, – жестким тоном сказала я.

Ну вот, сейчас начнется...

Что? – спросите вы.

Дело в том, что сознание моей частичной беспомощности и неопытности – это как бальзам на душу Кряжимского. Все мы грешны, грешен и он. Очень ему нравится, когда я лишний раз даю ему понять, что я без него как без рук, что он незаменим, и не будь его, еженедельник перестал бы существовать. Не то чтобы он жаждал помыкать мной или постоянно стремился поставить под вопрос мою самостоятельность, но очень переживал, когда я как бы напоминала ему о его должности и обязанностях, о его заместительстве. Все это выглядело так, словно он хотел узурпировать мои права, а я с высокой трибуны отстаивала их. Вот это и было для него неприятней всего.

Только на этот раз я не угадала: Кряжимский не стал мне ничего выговаривать, он просто обиделся или сделал вид, что обиделся.

– Поступай как знаешь, – сказал он и отвернулся.

Я не стала его успокаивать: придет время – разберемся.

Оставив Кряжимского в кабинете, я оделась и вышла на улицу. Приближения праздника по лицам прохожих и по состоянию города не чувствовалось.

Я вспомнила время, когда атмосфера этого праздника начинала ощущаться за несколько дней до его наступления. Конечно, я тогда была совсем маленькой, но точно помню суетливость и деловитость людей, шныряние их по магазинам в поисках необходимых продуктов для праздничного стола, украшенные улицы и дома...

Здание, где располагалась администрация «Чайной розы», находилось, как и любое другое уважающее себя заведение, недалеко от центра. Улица Казачья, носившая в застойные времена довольно странное название – улица Двадцать лет ВЛКСМ, в основном была застроена купеческими домами начала века, которые после реконструкции служили офисами богатым фирмам и компаниям. В одном из таких домов – двухэтажном особняке со стенами толщиной в метр – разместилось совместное предприятие «Чайная роза». На входе, перед массивной дубовой дверью, мерз охранник. Поинтересовавшись, к кому я направляюсь, он посмотрел мое служебное удостоверение и объяснил, как найти кабинет Кирсанова.

Внутренняя часть здания, начиная с вестибюля, была отделана по европейским стандартам и выдержана в пастельных тонах. Я поднялась на второй этаж по широкой лестнице, покрытой ковровой дорожкой, повернула налево и остановилась перед дверью с табличкой: «Кирсанов Валерий Владиславович. Коммерческий директор». Стукнув пару раз в дверь, я открыла ее.

– Разрешите?

– Входите, – неуверенно произнес Валерий Владиславович, поднимая голову от стола. Видимо, не ожидал так скоро опять увидеть меня.

Нацепив на лицо виноватую улыбку, я неторопливо прошла мимо стеклянных стеллажей, уставленных продукцией фирмы, и опустилась в кресло для посетителей. На Кирсанове был отличный коричневый в тонкую полоску костюм, его владелец явно заботился о своем внешнем виде. Впрочем, он являлся, можно сказать, лицом фирмы, так как директриса не жаловала своим вниманием корреспондентов.

Немного придя в себя за время, пока я шла до его стола, Кирсанов достал из пачки «Парламента» сигарету и прикурил ее, откинувшись на спинку кресла.

– Чем могу служить? – спросил он не слишком любезно.

Я, в свою очередь, достала свой любимый «Винстон» и молча зажала сигарету губами. Дождавшись, когда он наклонится ко мне и поднесет свою позолоченную зажигалку «Зиппо», я посмотрела ему в глаза.

– Хочу извиниться перед вами, Валерий Владиславович, – произнесла я, выпустив дым. – Я была не слишком любезна и, надо сказать, без всяких на то причин. Как вы верно подметили, – добавила я, – я еще слишком молода. Но, чтобы вы меня правильно поняли, не считаю это оправданием своей резкости.

«Кажется, неплохо, – подумала я, закончив свою тираду. – Если я все правильно рассчитала, он сейчас должен тоже заняться самобичеванием, а там и до взаимопонимания недалеко».

– Ну что вы, – его холодные серые глаза несколько оттаяли, как я и ожидала, – я тоже немного погорячился.

– Чтобы окончательно загладить свою вину, – произнесла я, широко улыбнувшись, – я предлагаю вам разместить рекламу в «Свидетеле» на ваших условиях. Что вы на это скажете?

– Это было бы великолепно, – на его губах заиграла улыбка. – Только...

– Вы что, сомневаетесь, в моих словах? – шутливо нахмурилась я.

– Нет, что вы, – воскликнул Кирсанов. – Только я должен вам сначала кое-что объяснить. Наша компания выпускает новую линию женской косметики – комплекс кремов по уходу за кожей лица, и мы хотели бы дать не маленькое объявление, а рекламу на целую страницу в течение месяца. Не будет ли для вас это слишком разорительно? – Нет, – ответила я, не моргнув глазом. – Больше того, я готова разместить вашу рекламу бесплатно, – и добавила, выпуская тонкую струйку дыма: – Если вы окажете мне небольшую услугу.

– Буду рад, – с готовностью ответил Валерий Владиславович, но в его глазах появилась настороженность.

– Ловлю вас на слове, – улыбнулась я. – Значит, вы выполните мою просьбу?

– Если это будет в моих силах.

– Хорошо. – Я сделала небольшую паузу и стряхнула пепел с сигареты. – Я знаю, что вы завтра приглашены к своей начальнице...

– Да, – кивнул Кирсанов, – это будет небольшая вечеринка, только я не совсем понимаю...

– Возьмите меня с собой, – выпалила я и уставилась на него невинными глазами.

– Это невозможно, – с поспешностью ответил он, но я поняла, что попаду на эту чертову вечеринку.

Ни от чего люди не отказываются так быстро, как от категорических решений.

– Почему? – наивно спросила я с обидой в голосе. – Вы идете не один?

– Аврора Кондратьевна на дух не переносит журналистов.

– Это единственная причина, по которой вы не можете выполнить свое обещание?

– Да, – Кирсанов кивнул и глубоко затынулся.

– Тогда ее легко обойти, – с энтузиазмом сказала я.

– Вы хотите сказать, что смените профессию? – скептически усмехнулся он.

– Нет, – я покачала головой, – есть другой, более простой выход.

– И какой же? – Он действительно заинтересовался.

– Просто вы не скажете Авроре Кондратьевне, что я работаю в газете, – выдала я.

– Вы не представляете, что будет, когда она узнает, что я ее обманул, – он вытаращил на меня глаза. – Она уволит меня. Вы что, этого хотите?

– Только не нужно утрировать, – спокойно произнесла я. – Я не собираюсь подставлять вас и брать интервью или делать фотосъемку без согласия Авроры Кондратьевны. Ну, не любит она журналистов, и ладно. Скажите ей, что я работаю, например... – я задумалась, – ...например, фотографом в модельном агентстве. К фотографам она относится лояльно?

– Если они не работают в прессе.

– Замечательно. Значит, решено? – подвела я итог. – Вы берете меня на вечеринку, а я в четырех номерах даю вам полосу для рекламы совершенно бесплатно.

– И как я вас представлю? – растерянно спросил Кирсанов.

– Как свою новую подружку, – весело ответила я. – Только нам нужно будет немного порепетировать. Мы должны обращаться друг к другу на «ты». Не можете же вы подружку называть Ольгой Юрьевной. Согласны?

Кирсанов кивнул, но в его серых глазах по-прежнему таилось сомнение.

– Тогда приступаем прямо сейчас. Идет?

– Ну, я не знаю, – пожал он плечами и, не скрывая обычного мужского любопытства, посмотрел на меня.

– Значит так, Валера, – взяла я быка за рога, – чтобы ты быстрее адаптировался, так сказать, лучше вжился в роль, я приглашаю тебя в кафе, чтобы пообщаться в неформальной обстановке. Естественно, за мой счет.

– Да дело не в деньгах... – с досадой произнес он и замаялся.

– Конечно, не в деньгах, – сказала я. – А кто говорит, что в деньгах? Если не хочешь в кафе – пойдем в ресторан. У тебя во сколько перерыв? В час? Значит, договорились, я жду тебя... Валера, – я пристально посмотрела на него, – где у нас есть приличный ресторан поблизости?

– Может быть, «Конек-горбунок»? – несмело предложил Кирсанов.

– Отлично, – широко улыбнувшись, я поднялась с кресла, – «Конек-горбунок» – это то, что нужно. В час я тебя жду в ресторане. Постарайся не опаздывать. Хорошо?

Не давая ему времени опомниться, я решительно прошла через кабинет и вышла в коридор. Спускаясь по лестнице, я и так и эдак прикидывала шансы. По-любому выходило, что Кирсанов должен прийти, или я не разбираюсь в людях. А если уж он придет, то это почти стопроцентная гарантия, что я буду завтра на вечеринке у Авдеевой. Буду ли я там снимать

или нет и удастся ли мне взять интервью у Авроры Кондратьевны – такими вопросами я пока не задавалась. Каждому овощу – свое время, как говорится. Знала я одно – у меня есть шанс, и я должна его использовать.

Глава 2

Я неплохо провела время в ресторане, а главное – с пользой. Насколько это возможно, ближе познакомилась с Валерием. Не то, чтобы он уж так со мной разоткровенничался, но все же я узнала кое-что о его личной жизни. После развода со своей, как он выразился, первой и последней женой, Валерий жил один и довольствовался короткими, ни к чему не обязывающими романами, впрочем, заводил он их не так уж и часто. Все его время было отдано работе, к которой он проявлял не просто профессиональный интерес и вкус, а прямо-таки страсть. У меня сложилось впечатление, что холодность и замкнутость Валерия – это просто ширма, позволяющая ему накапливать энергию, которую он тратит на работу. Весь его чопорный флегматизм, его неспешные продуманные движения и жесты, граничащая с сонливостью невозмутимость, спокойная манера говорить, полное равнодушие к риторике, легкая усмешка, то и дело появляющаяся на его бледном лице, служат аккумуляции моральных и физических сил, дабы применить их на благо косметической промышленности.

Мы говорили с ним на разные темы, и, кроме всего прочего, речь зашла о женщинах. Я инстинктивно почувствовала, что бессознательно Валерий тянулся к эмансипированным, уверенным в себе, умным, может быть, немного жестким женщинам вроде меня. Слабые, слишком женственные, узко ориентированные на потребительство от богатого друга или семью особы выступали в качестве суррогата. Выбор именно таких женщин диктовался некоторой трусоватостью Валерия, его схематичным представлением о сильной части человечества как об этих неустанных конквистадорах, призванных покорять женские сердца. Любая ошибка, промах или незадача рассматриваются в рамках этого представления как настоящий провал, провоцируя затяжную депрессию. И вот, чтобы оградить себя от этой пугающей возможности срыва и подавленности, такие «супермужчины» заводят интрижки с тихими, робкими «домохозяйками» и прочими милыми овечками.

Я только слегка коснулась этой темы, говоря, естественно, о таких мужчинах в безобидно-абстрактном третьем лице. Но Валерий, похоже, понял, кого я имею в виду, потому что в его серых глазах появилось знакомое мне враждебное напряжение. Я перевела разговор на более общие темы, потом стала рассказывать о себе, как приехала, училась, как работала фотографом, как жила первые два года в Тарасове и так далее.

Потом я решила прозондировать почву относительно «Чайной розы» и госпожи Авдеевой. Как она начинала, как добилась таких успехов, как вышла на французов, какая она в жизни и на работе. Валерий говорил неохотно, но тем не менее рассказал мне, что Авдеева сначала была простым «челноком», потом, благодаря своим крепнувшим связям в администрации, решила организовать предприятие наподобие «Уральских самоцветов». Ее серьезно волновала проблема сохранения молодости, не прибегая к лифтингу и лазерной шлифовке лица. Дальше Валерий незаметно для себя начал распространяться о продукции «Чайной розы», используя рекламные клише. Тем не менее говорил он с таким подъемом, с таким энтузиазмом и знанием дела, что я прониклась верой в «природное чудо» кремов, выпускаемых «Чайной розой».

Его льдисто-серые глаза загорелись восторгом. Он смотрел на меня с выражением признательности – я была внимательной слушательницей. Да, для настоящего предпринимателя его бизнес – это бог, которому он остается верен, общаясь даже за пределами офиса. Я представила, как Валерий читает аналогичную лекцию одной из своих «милых овечек», как убеждает ее покупать продукцию «Чайной розы», ведь только кремы, бальзамы и скрабы этой фирмы могут обеспечить неувядающую молодость лица и тела, только их каждодневное применение заставит его сидеть у ее ног, благоухающих и смягченных специальным кремом от «Чайной розы».

Я все-таки опять попыталась закинуть удочку насчет личных качеств и жизни Авдеевой. В первую минуту Валерий, толком не отошедшей еще от своей любимой темы, бросил на меня непонимающий взгляд, говорящий как бы о кощунственной несвоевременности моего вопроса, потом он вежливо, но решительно попросил меня оставить госпожу Авдееву в покое. Да, она властная, коварная, надменная, взбалмошная, иногда нестерпимо капризная особа, но не наше, как сказал он, дело привлекать ее к моральному суду. Она заслужила право быть такой.

Я ответила, что вообще не злоупотребляю моральными оценками в отношении кого-либо, тем более людей мне не особо знакомых, а уж привлекать к моральному суду... – «да у меня такого и в мыслях не было!». Это замечание немного успокоило Валерия, он даже поделился со мной информацией о том, что Аврора Кондратьевна берет себе в любовники исключительно молодых людей. Основное требование – смазливая внешность и сыновняя преданность. Я хотела было пошутить, что ее забота о молодости нашла в лице этих красивых мальчиков своеобразное некремовое и невитаминное выражение, но удержалась. Ирония порой подобна острому лезвию, неизвестно, как прореагирует на нее твой собеседник.

В итоге, обменявшись понимающими улыбками и обещанием встретиться завтра у консерватории в половине шестого, мы расстались. Счастливая, что моя затея с посещением вечеринки на своем первом этапе удалась, остаток дня я посвятила газетным делам, «примирению» с Кряжским, которого я ввела в курс моего разговора с Валерием.

* * *

Ровно в половине шестого я явилась к главному входу в консерваторию. Снег перестал, но с самого утра начало подмораживать. Тротуары покрылись тонкой белой коркой, с которой при помощи скребков отчаянно боролись бригады дворников, как-то вдруг неожиданно проснувшихся и приступивших к тяжелой трудотерапии. Проспект кишел людьми. Одни возвращались с работы, другие беззаботно фланировали туда-сюда, третьи бегали по магазинам. Кафе под открытым небом давно были закрыты. На Немецкой стало просторно и неуютно. Словно из роскошно некогда обставленной гостиной, где звучал рояль и собирались гости, революционеры вывезли дорогую старинную мебель или пустили ее на растопку камина.

Энтузиазм, испытанный мной вчера после разговора с Валерием, немного поутих, частично уступив место волнению и беспокойству относительно того, как пройдет наша встреча на этот раз и сумею ли я воспользоваться этой вечеринкой, дабы стяжать «Свидетелю» славу крутой газеты.

Волнение это уже дало о себе знать в момент сборов. Я металась по спальне, примеряя то один, то другой туалет и не зная, что выбрать. То особое значение, которое я придавала этой вечеринке, заставляло меня рассматривать свой наряд едва ли не как боевые доспехи. Лихорадка выбора не замедлила сказаться на моем настроении, окрасив его в тревожно-досадные тона. В общем, вся эта затеянная мной кутерьма основательно меня взбесила. Я даже подумывала, не закрыть ли мне глаза и, как говорится, слепым методом выбрать себе туалет на вечер?

Наконец я остановилась на забавном «металлическом» платье на тонких ляпочках. Я надела его и подошла к зеркалу. Не слишком ли вызывающе? Тем меньше я буду похожа на обремененную благородно-меркантильной задачей папарацци. «Так, – решила я, – никаких украшений, только плоский серебряный браслет». Я надела серые, с серебристым отливом ботинки, пальто из серой норки и... понравилась сама себе. Положила заряженный «Никон» в объемную модную сумку и заказала такси.

Валерий ждал меня под козырьком консерватории. Мой вечерний макияж и роскошное пальто сразу приковали его восхищенный взор. Мы поздоровались, потом я взяла его под руку,

и мы направились к его темно-зеленому «Ауди». Я специально оставила свою «Ладу» дома – любовники должны приезжать на прием в одном автомобиле.

– Ты необыкновенно хороша, – сделал он мне комплимент, едва мы заняли места в его авто.

– Стараюсь тебя не подвести, – пошутила я.

«Настоящий сюрприз ждет тебя, – мысленно обратилась я к Валерию, – когда я сниму свою норку, и ты увидишь мое платье».

– Я действительно надеюсь, что ты меня не подведешь, – доверительным тоном произнес Валерий.

Не поворачиваясь ко мне, он накрыл мою лежащую на коленях руку своей. Я не стала отдергивать руку, создавать нелепый ажиотаж и поняла, что Валерий благодарен мне за это.

– И все-таки мне хотелось бы проинструктировать тебя на всякий случай, – осторожно начал Валерий капать мне на мозги, – как лучше вести себя с Авдеевой.

– И как же? – с задорной беззаботностью избалованной девочки, которую везут к строгой бабушке, спросила я.

– Как можно скромнее. Не умничать, не иронизировать – это привилегии Авроры Кондратьевны.

– Она купила не только линию производства хорошей косметики, но и все права на остроумие? – немного резко пошутила я.

– Считаю, что так, – посмотрел на меня Валерий, который вошел в роль толкователя жизни и правил хорошего тона для покладистой, трепетно ему внимающей неофитки, – Аврора Кондратьевна внимательно исследует, если можно так выразиться, незнакомого ей человека, приглядывается, задает порой провокационные, нескромные вопросы... Считаю, что пунктик у нее такой... Понимаешь, когда тете под пятьдесят, а рядом двадцатилетний мальчик, подмечая каждую морщинку на ее лице, поневоле станешь корчить из себя если не вечную Афродиту, то Афины – точно. Лишь бы возвыситься в глазах очередного альфонса. Кстати, ее новому мальчику аж целых двадцать пять, и он возглавляет у нас отдел рекламы.

– Не предполагала, что менеджер косметической фирмы разбирается в греческой мифологии, – улыбнулась я, уже трижды пожалев о том, что нацепила такое «нескромное» платье. Как-то оценит его Аврора Кондратьевна?

– Все мы учились понемногу... – улыбнулся Валерий.

– Неплохая карьера для двадцатипятилетнего парня – возглавлять отдел рекламы в такой солидной фирме, – мечтательно сказала я, – но ему не позавидуешь.

– Он производит впечатление довольного жизнью человека, – без особой убежденности возразил мне Валерий, – но у него масса поводов быть уволенным.

– Что ты имеешь в виду?

– Не что, а кого, – поправил меня Валерий и с лукавой улыбкой произнес: – Женщин.

– Ты это знаешь на сто процентов? – решила уточнить я.

– На двести, – лаконично ответил Валерий и остановил машину перед недавно выстроенным шикарным двухэтажным особняком, – приехали.

– Я уже поняла.

Ворота особняка были закрыты. Массивный кирпичный забор позволял видеть только второй этаж строения.

– Я хотел кое-что уточнить... – застенчиво улыбнулся Валерий и как-то виновато посмотрел на меня.

– Что?

– Не захочешь ли ты продолжить нашу игру вне рамок сегодняшней вечеринки?

– Это принимать как предложение переспать? – резко сказала я.

Мне нравится порой ошарашивать осторожничающих, но явно чего-то добивающихся от тебя мужчин подобным образом. И я уверена, что такие искренность и смелость хоть поначалу и смущают, а может, даже неприятно поражают их, но и разжигают. К тому же ясно даешь понять, что ты не какая-то там сентиментальная глупышка, начитавшаяся любовных романов, а женщина, равная им в праве четко формулировать свою мысль и не бояться выглядеть открытой и лишенной рыхлой романтики блеющих сексапильных овечек.

Лицо Валерия передернуло нервная судорога. Что это он, не ожидал?

– Может, ты спросил об этом, так сказать, из подстраховки? Выбирая тактику поведения на вечеринке? Если я чем-то не устрою мадам Авдееву и она сочтет необходимым от меня освободиться, твое одобрение или сопротивление такому ее желанию будет зависеть от моего обещания переспать с тобой? – Я произносила эту тираду с невозмутимым выражением лица. – Иначе для чего ты меня спросил об этом именно сейчас, а не предоставил событиям развиваться своим чередом? – решила я его добить.

– Прости, – пошел он на попятную, – я не так выразился... – он бросил на меня полный раскаяния взгляд, но меня уже понесло.

– Ни за что не поверю, что типы вроде тебя не просчитывают все заранее. Ты не похож на человека, идущего на поводу произвольных эмоций.

– Тогда какого черта ты со мной связалась? Только для того, чтобы проникнуть на эту вечеринку, которую я уже сейчас начинаю проклинать? – возмутился он.

– Постой. У нас с тобой, кажется, был договор: ты мне – вечеринку, я тебе – бесплатную рекламу во всю страницу. Так?

– Так, – без энтузиазма подтвердил Валерий, – но неужели ты думаешь, что я стал бы так рисковать, если бы...

– Если бы не надеялся переспать со мной? – Я в упор посмотрела на него. – Я и не предполагала, что это является, так сказать, скрытым дополнительным условием...

Мы уже битых десять минут сидели в машине перед особняком, не ведая, куда нас приведет эта неожиданная размолвка.

Валерий спокойно выдержал мой долгий пристальный взгляд, которым я хотела достать до дна его души, и с неловкой улыбкой произнес:

– Нас ждут. Если хочешь, пошли. Но прошу, там, – он кивнул на особняк, – без сцен!

– Ты сам спровоцировал этот разговор, неприятный для нас обоих, – более миролюбивым тоном произнесла я, снимая с плеча ремень безопасности.

Валерий нажал на клаксон. Ворота как по мановению волшебной палочки открылись.

Глава 3

Мы въехали в просторный двор, где уже стояла одна машина – голубой «Фольксваген». Ворота за нами автоматически закрылись. Валерий вышел из машины, обошел ее спереди и галантно открыл мне дверцу. Я поблагодарила его милой улыбкой и направилась к дому.

– И прошу тебя, – шепнул мне Кирсанов, – я не знаю ничего о твоей профессии.

– Не беспокойся, – кивнула я, – я не собираюсь тебя компрометировать. Как мы договорились – я работаю фотографом в модельном агентстве.

Дверь нам открыл молодой человек в темных брюках и кремовой сорочке в тонкую полоску, верхняя пуговица которой была расстегнута. Узел ярко-оранжевого галстука ослаблен. Он был темноволос, худощав и, можно было бы сказать, красив, если бы не его бегающий взгляд и слишком полные губы.

– Проходите. – Он пожал руку Валерии и с нескрываемым любопытством посмотрел на меня.

– Это Оля, – представил меня Валерий, когда мы разделись.

– Антон, – фальцетом произнес молодой человек и застыл, увидев меня без шубы.

Не знаю, сколько бы продолжалась эта немая сцена, если бы в холл не вышла хозяйка, Аврора Кондратьевна.

– Добрый вечер, Аврора Кондратьевна, – Валера сразу же шагнул к ней.

Пока они перебрасывались обычными в таких случаях фразами, я постаралась получше разглядеть ее. Это была высокая статная дама с гордой посадкой головы и пренебрежительно поджатыми губами. Она смотрела свысока, но в глубине ее глаз скрывался то ли испуг, то ли настороженность. Светлые, слегка рыжеватые волосы открывали высокий умный лоб и легкими волнами, над которыми потрудился мастер, спадали почти до плеч. Одета она была в темно-розовое обтягивающее платье с отделкой из черного кружева, ее плечи покрывал шарф из черного шифона.

– Антоша, – обратилась она к своему мальчику, – что же ты не приглашаешь гостей?

Потом она перевела свой взгляд на меня.

– Валера, – коснулась она локтя Кирсанова, – это твоя девушка?

– Познакомьтесь, – торопливо произнес Кирсанов, – Ольга – Аврора Кондратьевна.

Не знаю уж, чем я ей понравилась, но ее взгляд был довольно снисходительным и даже то, что ее дружок старательно отводил от меня глаза, не разозлило ее.

– Наконец-то ты нашел себе достойную пару, – похвалила она выбор Валерии и улыбнулась кончиками губ. – А Антон вас уже давно заметил, правда, Антоша? Интересно, что вы обсуждали? – Она хитро посмотрела на Кирсанова.

Он открыл было рот, но, видимо, не нашел, что ответить, и я пришла ему на помощь:

– Я предлагала Валере пойти одному.

– Это еще почему? – Тонкие изломанные брови Авроры Кондратьевны удивленно взлетели.

– У вас здесь такое избранное общество, – сказала я, сделав невинное лицо, – а я никого не знаю.

– Ну что вы, Оля, – она по-матерински, одновременно нежно и строго посмотрела на меня, – Валера же предупредил меня по телефону, что придет с подругой, и я ему сказала, что буду рада вас видеть.

Вот так все удачно началось. Аврора Кондратьевна показалась мне вполне общительной женщиной. Не без пунктиков, конечно, а у кого их нет, если разобраться? Широким коридором мы прошли в гостиную, в центре которой был накрыт стол на шесть персон, уставленный закусками и вазами с фруктами.

– Неужели вы все это сами? – искренне удивилась я.

– Ну что вы, Оля, – Авдеева гордо подняла голову, – у меня совершенно нет на это времени. Все, что вы здесь видите, приготовлено очень хорошим поваром. Надеюсь, вам понравится. А где же Галина с Григорием? – Она посмотрела на Антона. – Пора садиться за стол.

– Курят, наверное, – Антон направился к двери, – сейчас я посмотрю.

– С Галей я познакомилась в прошлом году на Средиземном море, – произнесла Аврора Кондратьевна, – мы вместе отдыхали. Это замечательная женщина: открытая, умная и жизнерадостная. Да вы и сами сейчас убедитесь в этом. Она пришла с мужем.

Вскоре вернулся Антон в сопровождении девушки примерно моего возраста с длинными черными волосами. У нее был итальянский тип лица: огромные карие глаза, большой чувственный рот с крупными белыми зубами и какая-то детская открытая улыбка, немного не вязавшаяся с грустью в глубине глаз. Красного цвета брючный костюм был очень ей к лицу: жакет на одной пуговице, надетый на голое тело, подчеркивал изящную стройность ее длинной шеи.

Следом за Антоном и Галиной вошел молодой человек с орлиным носом и русыми волосами, зачесанными назад. На нем были черные брюки и черный джемпер под горло, на котором ходил огромный кадык.

– Наконец-то все в сборе, – облегченно вздохнула Авдеева.

Она представила чету Береговских – Галину и Григория, – и все уселись за стол.

Сперва было довольно скучно, мне показалось, что я попала на поминки к какому-нибудь знаменитому ученому, всю свою жизнь посвятившему изучению процесса пищеварения членистоногих, но после второй рюмки народ начал понемногу расслабляться. Валера, сидевший рядом со мной, снял пиджак, потому что в гостиной было натоплено сверх всякой меры, и я только порадовалась, что на мне открытое платье.

Мы сидели на дубовых стульях с мягкими светлыми подушками, стол был накрыт ослепительно белой скатертью, спускавшейся до самого пола, да и вся комната была выдержана в светлых тонах. Кремовые обои без рисунка на стенах, на полу – светло-бежевый ковер с длинным ворсом, журнальный столик со столешницей из белого мрамора, на котором стоял бронзовый подсвечник с тремя восковыми свечами: все это немного навевало тоску, если бы не яркий свет люстры, игравший на столовом серебре и придававший живость всему происходящему.

После двух тостов – за прекрасную хозяйку, который произнес Григорий, и за ее организаторские способности, как умело подчеркнул Валера, мужчины вышли покурить. К ним присоединилась и Галина, а я, хотя тоже была не прочь подышать, осталась наедине с Авдеевой.

– Вы действительно занимаетесь, как сказал мне Валера, фотографией? – К моему удивлению, она сама затронула интересующую меня тему.

– Да, – кивнула я, – и говорят, у меня это неплохо получается.

Я не стала скромничать – в домах, подобных этому, скромность не считается достоинством.

– Судя по тому, как вы одеты, – продолжила Аврора Кондратьевна, – ваш труд неплохо оплачивается.

Я неопределенно пожала плечами.

– На собственный дом средств у меня нет, – улыбнулась я.

– Ну, вы еще так молоды, – задумчиво произнесла Авдеева, – у вас все впереди.

Я размышляла, не пора ли мне спросить разрешения поснимать в ее доме, но пришла к выводу, что, пожалуй, следует немного подождать.

– Жизнь бежит так быстро, – заметила я, – не успеешь глазом моргнуть, а лучшие дни позади.

– Да вы философ, Оля, – она удивленно посмотрела на меня. – По-моему, вы многого сумеете добиться.

– Я постараюсь, конечно, – с сомнением в голосе сказала я, – но... В общем, проживем – увидим.

В гостиную ввалилась шумная компания, продолжавшая что-то весело обсуждать. Григорий нес в руках свой джемпер, и на нем теперь была только черная майка с короткими рукавами. Пока я разговаривала с Авророй Кондратьевной, прислуга, приглашенная, видимо, из того же ресторана, что и повар, сменила приборы. На столе появился огромный, лоснящийся жиром гусь с румяной корочкой.

– Вот это да! – восхитилась Галина, увидев гуся. – Это целый поросенок.

– Это всего лишь гусь, друзья, – со слащавой улыбкой произнесла хозяйка, – сейчас Вячеслав нам его разрежет.

Что это еще за Вячеслав? – удивилась было я, но тут откуда-то появился человек лет тридцати с тонкой полоской усиков и в белом фартуке, и я поняла, что Авдеева имела в виду повара. Я представила себе, как он будет сейчас бороться с этим гусем, отделяя крылья, ножки, грудку, но все оказалось гораздо проще.

Вячеслав, ловко помогая себе вилок, просто отрезал от золотистой тушки шесть больших плоских ломтиков и удалился. Вилку и блестящий нож с костяной резной рукояткой он оставил на подносе.

– Если я больше вам не нужен, – шепнул он Авдеевой, – я пойду.

– Спасибо, Слава, – поблагодарила его Аврора Кондратьевна, и все принялись за гуся.

Антон открыл уже третью бутылку шампанского и, если учесть, что я почти не пила, а мужчины предпочитали более крепкие напитки, то можно себе представить, что народ был, мягко говоря, несколько возбужден. Следующий тост был произнесен хозяйкой дома, и если мне не изменяет память, он звучал примерно так: «За солнце и море, за травы и деревья, за молодость и красоту». Тост был принят на «ура», и даже мне пришлось выпить почти полбокала шампанского, чтобы не обидеть Аврору Кондратьевну.

После этого все стало гораздо проще. И мужчины, и Галя, и я, и даже Авдеева ходили в соседнюю комнату, в которой горел камин, курить, поодиночке и группами. Я старалась быть поближе к хозяйке и, выбрав момент, когда мы с ней были наедине, спросила:

– Аврора Кондратьевна, боюсь вас обидеть, но все же не могу у вас не спросить.

– Да? – Она подняла на меня удивленные, но веселые глаза.

– Не могу ли я немного здесь поснимать. Мне так понравился ваш дом.

– Только с одним условием, – строго сказала она, – если вы предоставите мне полный отчет о проделанной работе.

И она весело рассмеялась, увидев мое озадаченное лицо. Все оказалось на удивление просто.

– Конечно, я все вам покажу, – пообещала я и почти бегом бросилась в холл, где оставила сумку с «Никоном».

Когда я вернулась в гостиную, веселье было в разгаре. Кто-то включил музыку, и гости выделяли такие кренделя, что я тут же приступила к съемкам. Валера попытался было меня пригласить на танец, но мне было не до этого. «Пощелкав» гостей, не забыв при этом и хозяйку, я с ее разрешения прошлась по дому, фотографируя каждую комнату.

Меня мучила только одна мысль: признаваться ли Авдеевой в том, кто я на самом деле? Вернее, даже не это – чем я занимаюсь, она наверняка рано или поздно узнает. Я стояла перед дилеммой: сказать ей, зачем я здесь, рискуя потерять сделанные кадры, или ничего не говорить и опубликовать фотографии в «Свидетеле» без ее разрешения, тем самым подставив Кирсанова. Выбрала же я третий вариант, который осенил меня, пока я ломала голову над предыдущими: во время съемок попытаюсь выяснить у Авдеевой, почему она не общается с прессой, и, может быть, мне удастся все же выпросить у нее эксклюзивное интервью. Это было бы самым лучшим.

С этими мыслями я открыла дверь в гостиную и... ничего не увидела. В комнате громко играла музыка, были слышны голоса, но свет был погашен. Падающие из коридора лучи выхватывали только небольшое пространство комнаты, в которое изредка попадали темные силуэты движущихся в танце людей. «Это что-то новенькое», – подумала я и стала осторожно пробираться к дивану. На меня несколько раз натыкались, кто-то даже попытался поцеловать, но я увернулась. Наконец музыка стихла, и зажгли бра.

– О, пропащая, – с веселым возбуждением произнес Кирсанов, заметив меня.

Он нетвердым шагом приблизился ко мне.

– Это такая игра, – пьяно улыбаясь, сказал он, – все сидят по разным углам, потом гасят свет и начинают искать друг друга.

– И кто же выигрывает? – с усмешкой спросила я.

– Кто кого найдет, тот и выигрывает, – не совсем правильно выговаривая слова, сказал он, – присоединяйся.

– Олечка, присоединяйся, – услышала я грудной голос Авроры Кондратьевны, стоявшей рядом с Антоном, – это очень весело. Давайте сначала выпьем, – добавила она и направилась к столу, который был задвинут в дальний угол комнаты.

– Мне шампанского, – игриво сказала Галя, пытаясь разыскать на столе свой бокал.

– Шампанское, кажется, кончилось, – заявил Антон, переворачивая бутылку вверх дном, – пойду посмотрю в холодильнике.

– Я тебе говорила, нужно было больше брать, – с оттенком монаршего раздражения упрекнула его Авдеева.

– Ну, ничего, – Антон поднял руку в успокаивающем жесте, – я сбегая.

– Только недолго, – капризно предупредила его Аврора Кондратьевна, – выключай, – скомандовала она, повернувшись к Валере.

Он послушно щелкнул выключателем, и комната снова погрузилась в темноту. «Вот тебе и Авдеева, – подумала я, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу, – играет в игры для подростков. Значит, так называемая погоня за молодостью не ограничивается применением кремов и бальзамов? В молодом теле – молодой дух», – перефразировала я древнеримскую поговорку.

Прибавили громкость, и музыка зазвучала с новой силой. Вдруг я почувствовала, как кто-то коснулся меня в темноте. Его руки – а это были явно мужские руки – сорвали меня с места и закружили по комнате. Только по знакомому аромату одеколона, который я почувствовала еще в машине, я поняла, что это Валера. Он крепко обнял меня и начал жадно искать своими губами мои, руки его скользили по всему моему телу, то сжимая грудь, то опускаясь скользящим движением от шеи по спине и ниже. Только теперь я поняла, почему у всех, когда включили свет, были такие раскрасневшиеся лица и горящие глаза. Вот так игра! Я что было сил толкнула Валерию в грудь, и мне удалось выскользнуть из кольца его рук. Наверное, он не ожидал от меня такой реакции, потому что я услышала приглушенный ковром звук падения. Пригнувшись, я отползла в сторонку и прижалась к стене.

Это была длинная мелодия, поэтому еще несколько минут в гостиной царил темень. Один раз кто-то, сопя, прошел совсем близко от меня, но так как я сидела на полу, меня не нашел. Наконец музыка кончилась, и вскоре в комнате загорелся свет. То, что мы увидели, напоминало скорее кадр из фильма ужасов, чем праздничную реальность. На полу, почти посередине комнаты, лицом вниз лежала Галина. Ее черные волосы веером разметались по ковру, руки вдоль тела, одна из них неестественно вывернута. На красной шерсти жакета расплывалось пятно темно-алого цвета – цвета крови. В центре этого кровавого пятна торчала рукоятка ножа. Того самого ножа, которым Слава-повар резал гуся.

Никто не издал ни звука, я видела, как Авдеева поднесла ладонь ко рту, словно загоняя назад крик, готовый вырваться из ее груди. В этот момент дверь в гостиную распахнулась, и Антон бодрым голосом произнес:

– Шампанское заказывали?

Увидев лежащую на полу Галину с ножом в спине, он осекся. Его приход как бы дал толчок всем находившимся в комнате. Аврора Кондратьевна беспомощно осела на диван, Григорий, а за ним и Валерий бросились к Галине.

– Не трогайте нож, – тихо сказала я, сидя у стены, – на нем могут остаться отпечатки пальцев.

– Господи, – как ужаленная вскочила Авдеева, – этого только мне не хватало! И это накануне подписания договора. Антон, – истерически крикнула она, – иди сюда, сделай же что-нибудь!

Ошарашенный Антон, казалось, не мог сдвинуться с места. Он испуганно вращал глазами, ничего не понимая. Поднявшись с колен, Валерий подошел ко мне. Хмель в два счета слетел с него. Вид у него был не то, чтобы удивленный или испуганный. Скорее он выглядел подавленным. Не глядя на меня, он шепнул:

– Вот и повеселились...

Его затуманенный взгляд с бессмысленным выражением уперся в лежащее на полу тело. Антон шаткой походкой подошел наконец к дивану, на котором в полуобмороке сидела Авдеева, и, опустившись рядом с ней, опасливо скосил на нее свои заискивающие черные глаза.

Григорий опустошенно пялился на Галину. Видно, смысл произошедшего только сейчас начал доходить до его сознания. Придя в себя, он встал с колен и молча закрыл лицо руками. Вскоре комнату потрясли его гулкие судорожные рыдания. Реакция Григория опять как будто оживила умолкшую и впавшую в эмоциональную летаргию Авдееву.

– Что же теперь делать? – потерянно прогнусавила она, обводя присутствующих непонимающим взглядом.

Я почувствовала себя умудренным старцем в компании несмышленных детей. У меня, естественно, был опыт, необходимый, чтобы взять инициативу в свои руки.

– Оставаться всем на местах и срочно вызывать милицию. – Я подавила охватившую меня, несмотря на этот чертов опыт, дрожь и старалась произносить слова четко и по возможности спокойно.

При слове «милиция» как-то вдруг сразу погасшее и осунувшееся лицо Авдеевой перевернулось.

– Милицию?! – истошно заорала она, вскакивая с дивана.

Она сжала ладонями виски и принялась метаться по комнате как зверь в клетке.

– Чтобы все об этом узнали?! – выкрикивала она. – Чтобы весь город косился на меня и перемывал мне кости?! Чтобы эти чертовы газетчики разнесли это по всем закоулкам?! Нет, нет и нет!

Она пару раз чуть не споткнулась о лежащее на полу тело. Всякий раз при этом Аврора Кондратьевна испуганно отскакивала в сторону с неизменно возмущенным и брезгливым выражением на лице. Словно Галина, умерев таким образом, поставила под сомнение солидное реноме Авдеевой и компании. Вот он, глухой, изъеденный червем малодушной боязни эгоизм власть имущих!

– А что вы предлагаете делать? – холодно спросила я. – Закопать труп во дворе?

В глазах Авроры Кондратьевны вспыхнуло пламя дикой злобы. От ее благожелательности и игривости не осталась и следа. Она метнула в меня осуждающий взгляд и завопила:

– А ты-то куда суешься?! Будешь меня учить?! Ну-ка, давай сюда пленку! – вспомнила она о моем невинном «развлечении», которому я предавалась.

Авдеева подлетела ко мне и хотела было сорвать ремень от фотоаппарата с моего плеча, но сильная и решительная рука Валерия успела нейтрализовать ее дерзкий порыв.

– Да как ты смеешь! – бешено завращала она глазами, придвинув свое лицо к лицу Валерия. – Привел эту фотографичку, так думаешь, я управы на нее не найду? Защитника из себя корчишь?!

– Аврора Кондратьевна, успокойтесь, – стараясь казаться невозмутимым, сказал Валерий.

Я знала, чего стоит иногда желание оставаться непроницаемо-спокойным, когда внутри все кипит и рвется наружу – словно сдерживаешь бурлящую магму. Я видела, как дрогнули и застыли лицевые мускулы Валерия. Брависсимо его самообладанию.

– Успокойтесь, – с какой-то затаенной угрозой вполголоса произнес он, – уверяю вас, Грише сейчас намного тяжелее, чем вам и всем нам.

Он неотрывно смотрел на Аврору Кондратьевну, словно гипнотизировал ее. И она действительно обмякла, опустила глаза и даже пошатнулась. Он поддержал ее, проводил до дивана, на котором по-прежнему сидел ее Антоша. Последний не сводил глаз со своей покровительницы. На его бледном лице одна эмоция сменяла другую – очень подвижная физиономия! Страх, сострадание, жалость, сожаление, досада, печаль тенями скользили по его гладкому лику.

Народ между тем паялился на Григория. Он скорчился в кресле и молча плакал, лишь иногда отчаянно всхлипывая.

– Гриша, – глухим от волнения голосом обратилась к нему Аврора Кондратьевна, которую с нежной заботой приобняла за плечи Антон, – прости. Это так все неожиданно.

Голос Авдеевой погас, словно рахитичный луч уползающего за гору закатного осеннего солнца. Она сделала рукой неопределенное движение, напоминающее последний взмах крыла умирающего лебедя, шарф, покрывавший ее плечи, упал к ногам, и она обреченно уткнулась в плечо своего молодого бойфренда.

Валерий приблизился к Григорию и постарался его утешить. Меня саму захлестнула такая тоска, что, если бы не моя воля к спокойному продуманному действию, я бы, наверное, разревелась.

– Валера, – сдавленно проговорила я, вынимая из сумки сотовый.

Он понял, что я прошу именно его вызвать милицию. Он кивнул и, подойдя ко мне, взял мобильник.

– Милиция, – в воцарившейся тишине негромкий голос Валерия показался мне трубным гласом, – произошло убийство, Лермонтова, тридцать шесть...

* * *

Прибывшая по вызову команда оперов отнеслась к случившемуся с пониманием, насколько вообще возможно понять убийство. Видимо, в домах, подобных авдеевскому, они бывали нечасто, потому что вели себя предельно сдержанно и вежливо: не отпускали глупых шуточек в адрес присутствующих, обращались ко всем на «вы», да и между собой переговаривались вполголоса.

Самое интересное началось даже не тогда, когда пригласили понятых – семейную пару преклонного возраста из соседнего дома, – а когда старший лейтенант, возглавлявший группу оперативников, начал снимать показания с присутствующих. Всем было неловко признаваться постороннему дяде, чем они занимались здесь на завершающей стадии вечеринки. Получалось, что все спокойно танцевали, потом кто-то погасил свет и танцы продолжились в темноте. Но когда вопросы стали более конкретными – например, кто с кем танцевал – тут началась путаница и всеобщая амнезия. Проще всех отделался Антоша. Он ушел за шампанским – это все

видели – и вернулся после того, как убийство уже совершилось. Он так и сказал, что успел только дойти до ларька, взять шампанское и вернуться обратно.

Остальные же путались в показаниях, ссылаясь на свое нетрезвое состояние, Григорий вообще сорвался и нагрубил ментам, мол, какое они имеют право копаться в его личной жизни.

– Убили мою жену, – заявил он им, – а вы, недоумки, пытаетесь обвинить меня!

Валерий перед сотрудниками извинился за Григория, сказав, что тот потрясен случившимся и немного не в себе. Пробурчав что-то насчет выдержки, менты успокоились.

Когда же Аврора Кондратьевна узнала, где работаю я, с ней чуть опять не случилась истерика.

– Пригрела на своей груди змеюку, – набросилась она на Валерия. – Вот какая мне за это благодарность! Паразит! Жрешь мой хлеб и норовишь меня же в могилу свести.

Валерий сидел, как побитая собака, даже не пытаясь оправдываться.

– Да он не знал, где я работаю, – бросилась я ему на выручку. – Я соврала ему, что работаю в модельном агентстве, а он парень простой – поверил.

– Простота – хуже воровства, – выдала чуть остывшая Авдеева и повернулась ко мне. – А тебя, папарацци гребаная, чтобы я в своем доме больше не видела. Ишь как умеете вы втираться в доверие к честным людям. Тюшки-тютюшки, дом понравился, Аврора Кондратьевна... – она ехидно улыбнулась, а потом начала костерить и себя, – а Аврора Кондратьевна уши развесила, как крольчиха, и верит всему, что ей говорят.

– Гражданка, успокойтесь, – несмело остановил ее старший лейтенант, – не мешайте работать.

Вняв его призыву, она встала с гордо поднятой головой, прошла к столу, на мраморной поверхности которого лежала длинная зеленая коробочка, достала оттуда коричневую сигарету и села на свое место. Антон тут же поднес ей зажигалку. Прикурив, она благодарно посмотрела на него.

«Чмокни еще мальчика в щечку, мамочка», – едва не вырвалось у меня, но я вовремя сдержалась.

Короче говоря, вся эта бесполезная возня закончилась далеко за полночь. Мужчины, в том числе и Антоша – у них уже начался похмельный синдром – позволили себе даже по рюмке «Смирновки», закусив маринованными корнишонами. Менты от выпивки отказались, хотя и было видно, что они с трудом сдерживают слюнки. Кроме лейтенанта, на подхвате работали еще два оперативника-сержанта, задачей которых было доставить и проводить понятых, а также следить за порядком.

Приехавшие криминалисты обследовали рукоятку ножа на наличие отпечатков пальцев и сообщили с нетерпением ждавшему их заключения лейтенанту, что, к сожалению, «рукоятка шершавая» и «отпечатки смазаны».

Труп Береговской забрали в морг, чтобы сделать вскрытие. Лейтенант, заявив, что надо бы, мол, всех вас забрать в отдел до выяснения, внял просьбам и ограничился подпиской о невыезде.

– Но меня же не было в доме... – попытался было возразить Антоша, но лейтенант осадил его:

– На всякий случай, – веско заявил он.

– Мне через неделю в Париж ехать, – с достоинством поднялась с дивана Авдеева, – для подписания договора с французами...

– Разберемся, – снабдив свою реплику успокаивающим жестом, лейтенант развернулся и вышел в сопровождении своих помощников.

Глава 4

Напряжение этого вечера немного начало спадать с меня, лишь когда я заняла свое прежнее место в машине Валерия. Не без опасения, надо сказать, заняла. Я готова была подозревать в случившемся любого из присутствовавших на этой проклятой вечеринке. А вдруг это он – я незаметно изучала лицо Валерия. Кто его знает, может, у него был скрытый мотив для того, чтобы отправить Галину на тот свет? По спине забегали мурашки. Я прикрыла веки и усилием воли подавила страх.

– Мне кажется, – неуверенно сказала я, – что тебе следовало бы остаться с Авророй Кондратьевной еще на некоторое время, поддержать ее и так далее.

– Преданность чувств, низайший поклон, – горько усмехнулся Валерий, – переживаешь за мою репутацию в фирме?

Он скосил на меня свои серые непроницаемые глаза. Двигатель был давно запущен. Наконец мы тронулись, выехали со двора и направились в центр. Заснеженные улицы были пустынные. Свет фонарей бледно-желтыми размытыми пятнами лежал на дорогах и тротуарах. Все навевало грустные мысли, а если еще и присовокупить к этому впечатления сегодняшнего вечера...

– Не бойся, меня не уволят. Я нужен Авроре Кондратьевне... – он бросил на меня ироничный взгляд, – она, конечно, может похорохориться, пальчиком погрозить, но на увольнение не пойдет.

Сейчас Валерий казался мне самонадеянным наглецом, непрошибаемым циником да просто нечутким человеком. Он даже словом не обмолвился об убийстве... Тревожное сомнение вновь зашевелилось на дне моей души. А вдруг это он? А что, если он и меня сейчас где-нибудь прикончит? Отвезет в тихое, темное местечко и сунет промеж лопаток ножичек? Ужас, холодный, мерзкий, неотвязный, сдавил мне сердце, забил ледяным комком горло. Мне почудилось, что еще минута, и я задохнусь. Мне не хватало воздуха, под ложечкой больно сосало, голова кружилась, мысли путались.

– Тебе нехорошо? – забеспокоился Валерий.

– Нет, сейчас пройдет... Переутомление, – соврала я, чувствуя, что дикий страх меня не отпускает, – может, мне лучше прогуляться?

– В час ночи? – удивленно поднял брови Валерий.

– Куда ты едешь? – дрожащим голосом спросила я. – Я же не сказала, где живу.

– Я везу тебя к себе, – невозмутимо ответил он, – мне не хочется оставлять тебя одну...

Он в первый раз посмотрел на меня с недвусмысленным страстным призывом. У меня упало сердце. Я не чувствовала ни рук, ни ног. «Не хочет оставлять меня?» – крутилось в моем воспаленном мозгу.

– Нет, нет, – горячо запротестовала я, сдерживая нервную дрожь.

– Да у тебя озноб, – встревожился Валерий, – ну ничего, приедем, выпьем коньяку...

«Поиграем в прятки», – с черным юмором добавила я про себя.

– Я все думаю, кто мог убить Галину... – я посмотрела на Валерия.

Ни один мускул не дрогнул на его немного осунувшемся, утомленном, но по-прежнему подозрительно спокойном лице. Чтобы убить человека, казалось мне, нужно обладать такой же выдержкой и цинизмом, как у него...

– Пусть милиция разбирается, – пренебрежительно ответил он, – я предполагал, что с Галиной случится что-то похожее на то, что сегодня произошло.

– Это почему же? – насторожилась я.

У меня было ощущение, что сердце у меня бьется где-то в горле. Я еле различала, что говорит Валерий. Стук сердца был настолько громким и аритмичным, что казалось, будто я

нахожусь в эпицентре какого-то затяжного взрыва. Кровь то бросалась мне в лицо, то молниеносно отливала. Я чувствовала смертельный холод в конечностях.

– Потому что с мужиками путалась, – с безразличным видом ответил Валерий.

– У тебя с ней что-то было? – прямо спросила я, по-прежнему охваченная ужасом.

– У меня? – насмешливо приподнял брови Валерий. При этом его гладкий, если не считать небольшой упрямой складки между бровей, лоб покрыли неглубокие морщины. – Ты смеешься надо мной?

– Не пойму, чем вызвана такая ирония и риторический вопрос, – сказала я, стараясь не стучать зубами от страха.

– Извини. Конечно, если бы ты знала Галину, то не спросила бы меня о том, было ли что у меня с ней или не было... – виновато улыбнулся он.

– Так значит, не было... – подытожила я.

– Да ты дрожишь вся. – Он повернул ко мне свое казавшееся в свете фар и снега меловым лицо.

Его рука, как в прошлый раз, легла на мою руку, только не осторожно накрыла ее, а страстно стиснула. Кровь ударила мне в виски. Мне стало жутко, едва я представила, что та же самая рука, возможно, вонзила Галине в спину нож с костяной ручкой, нож, которым до того повар, приглашенный Авдеевой, резал румяную тушку гуся.

– Неудивительно... – гипнотическим взглядом посмотрел на меня Валерий, – такое легкое платье. Но оно тебе идет, и я буду счастлив, если ты его вновь наденешь, но не по такому печальному поводу.

– Я его на праздник надела, – поправила я Валерия, – даже не догадываясь о том, как все обернется. Но теперь это платье всегда будет ассоциироваться в моем представлении с тем ужасом, свидетелем которого я сегодня стала.

– Прости, я неуклюже выразился... Но сколько пессимизма! – с кощунственной беззаботностью улыбнулся Валерий, – а ведь все так хорошо начиналось.

– Что все? – наивно спросила я.

– Послушай, не делай вид, что не догадываешься, о чем я говорю, – с оттенком раздражения в голосе сказал Валерий, – ты ведь сама едва не дала мне пощечину...

– Какую пощечину?

– Вернее, дала... моральную, так сказать, – он красноречиво посмотрел на меня.

– Ладно. Давай поговорим начистоту. Если ты думаешь, что я сейчас поеду к тебе, то очень заблуждаешься. И вообще, я не уверена, что я именно та женщина, которую тебе следовало бы пригласить к себе, чтобы скрасить, так сказать, твое одиночество.

Страх начал понемногу отпускать. Станет ли убийца говорить о сексе, который по сравнению с убийством выглядел более чем невинно? А что, если у него бездна хладнокровия, и он без труда может лишить кого-то жизни, а потом завалиться с дамочкой в постель и устроить любовные игры?

– Ты мне нравишься, как видишь, я искренен...

– Я думала, произошедшее внесет кое-какие коррективы в твое упорное желание переспать со мной, – подковырнула его я.

– Ты хочешь упрекнуть меня в отсутствии чуткости, – усмехнулся Валерий, – но я ведь тебе уже сказал, что рано или поздно Галю все равно ждало нечто подобное.

– А как ты с ней познакомился? – любопытствовала я.

– На пикнике. Ее пригласил мой приятель.

– И ты остался равнодушен к ее чарам? – спросила я.

– На что ты намекаешь? По-твоему, я должен был тут же наброситься на нее?

– Но со мной-то...

– С тобой – другое дело, – пылко взглянул на меня Валерий.

Очевидно, утомление, переживания и до сих пор бродивший в его крови хмель сказались на нем. Он стал откровенным, его холодные серые глаза оттаяли, в них появились страсть и нежность.

– Что же во мне особенного? – заинтересовалась я.

– Ты – девушка не для одного раза, ты меня понимаешь? Мужчины такое сразу чувствуют. Просто все зависит от того, что им в данный момент нужно...

– И сейчас ты почувствовал призыв вечной весны? – пошутила я.

– Зря смеешься. Именно это я и почувствовал. А Галя – так, однодневка, – с пренебрежением сказал он.

– Но ведь Григорий женился на ней? – недоумевала я. – Или ты так о ней говоришь потому, что она осталась равнодушной к твоим чарам?

– Кто? Галя-то? Она – всегда пожалуйста. Извини за выражение, но чтобы ее поиметь самым примитивным образом, мне достаточно было моргнуть ей.

– А ты не моргнул?

– Представь себе, – с достоинством произнес Валерий.

– Я, конечно, очень польщена тем, что твой гордый взор заметил меня, но сверни, пожалуйста, направо. К тебе я, прости, не поеду.

– Правда?

Что за дурацкий вопрос? Я почувствовала, как у меня опять больно сжалось сердце.

– А что, если я тебя украду? – с пугающей игривостью спросил Валерий.

– Мне сейчас не до шуток. Давай встретимся в другой раз.

– Хорошо, – вдруг легко согласился Валерий. – Когда?

Конкретный вопрос. Но обещать что-то определенное мне не хотелось. Вообще не люблю давать обещания. Это меня тяготит, перерастает в своего рода невроз, с которым не так-то легко справиться. В данный момент я даже не знала, захочу ли когда-нибудь еще увидеть Кирсанова.

– Может быть, на следующей неделе? – неопределенно произнесла я.

– Отлично, – к моему изумлению, обрадовался Кирсанов и посмотрел на часы. – Очередная неделя наступила уже полтора часа назад.

– Здесь налево, – показала я на въезд во двор своего дома. – Мне действительно сейчас не до шуток. Я хочу спать, хочу, чтобы весь сегодняшний кошмар остался позади. Если желаешь, мы еще вернемся к этой теме, – я решила все же оставить ему надежду. – Останови здесь.

Кирсанов нажал на тормоза, и «Ауди», задок которого немного занесло на скользком асфальте, остановился у моего подъезда.

– Не хочешь угостить меня кофе? – задорно спросил Валерий, положив ладонь мне на колено и пытаясь заглянуть в глаза.

– Достань, пожалуйста, сумку, – показала я назад.

Он неторопливо убрал руку с моего колена, взял сумку с «Никоном» и протянул мне. Я взяла свое сокровище и вышла на улицу.

– У меня нет кофе, – сказала я, направляясь к подъезду, – кончился.

– Я куплю тебе, – услышала я за спиной его голос.

«Вот и все, – сказала я себе, входя в квартиру, – сходила на вечеринку». Тщательно запев за собой дверь, я скинула шубку и, разувшись, босиком прошла на кухню. Насчет кофе я, конечно, соврала. Я тяжело вздохнула, вспомнив о навязчивости Кирсанова. Может, я и в самом деле ему небезразлична?

Да, сейчас мне действительно кофе не помешает. Щелкнув рычажком электрочайника, я двинулась в спальню, по дороге стаскивая с себя платье. Больше никогда в жизни не смогу смотреть на эту змеиную шкурку. Я зашвырнула скомканное платье подальше в шкаф и надела махровый халат.

В квартире было тепло, не так, конечно, как у Авдеевой, но она сама регулирует температуру как ей нравится. По мне, так у нее слишком жарко. Представляю, каково было Галине в ее шерстяном брючном костюме. Теперь она никогда уже не испытает дискомфорта от изменений температуры. Я поймала себя на том, что слишком цинична. Что ж, это издержки профессии. Вспомнив, какие маечки кислотных расцветок я носила, приехав в Тарасов из Карасева, я усмехнулась. Город меняет людей. Не могу сказать, к лучшему или к худшему, но меняет, даже такой провинциальный город, как Тарасов, с подачи нашего шустрого губернатора гордо носящий статус столицы Поволжья. Столица, где старики получают пенсию, которая позволяет вести полунищенское существование, в то время как отцы города в пылу борьбы за голоса электората оклеивают город, словно обоями, плакатами со своими портретами и поливают друга друга помоями.

Поперла чернуха. Немудрено после такого вечера, где собираются шестеро гостей, один из которых – убийца. Нет, один из пятерых, себя я могу точно отбросить, да и Антошу – тоже. Значит, остается четверо? Валера, Григорий, Аврора Кондратьевна и... Господи, я помотала головой, Галина ведь мертва. Значит, всего трое?

Смолов зерена, я высыпала кофе в маленькую медную турку, добавила ложку сахара и залила кипятком из чайника. Некоторые изгаляются – варят кофе с ванилью или корицей – может, в этом и есть какой-то кайф, но, по мне, так лучше крепкого черного кофе без всяких добавок – нет ничего. Иногда, правда, я позволяла себе добавить в чашку немного коньяку, как сейчас, например.

Я взяла кофе и прошла в гостиную, где забралась с ногами в большое мягкое кресло, к которому был придвинут журнальный столик. Сделав маленький глоток из чашки, я закурила. Когда в руке у меня вместо сигареты уже дымился жалкий окурок, а в чашке осталась одна гуща, мысли мало-помалу начали проясняться в голове. Я уже четко знала, что займусь поиском убийцы. Собственно говоря, я уже этим и занималась. Не пускать же дело, в котором я фигурирую в качестве одного из подозреваемых, на самотек. Да просто опасно. Мало ли что может прийти в голову следователю. А вдруг какому-то богатому и властному дяде захочется оставить на время предвыборной кампании независимый еженедельник «Свидетель» без его несговорчивого руководителя, то есть без меня? А может быть, все это подстроено специально, чтобы оклеветать меня?

Ну, дорогуша, это уж из области фантастики. Ты ведь сама напросилась на эту вечеринку. Напросилась, ну и что? Валерий ведь согласовывал мой визит со своей бандершей. Но я ведь совсем не знаю эту Галину Береговскую, даже ни разу не видела ее до этой самой вечеринки. Как, впрочем, и остальных гостей, исключая Валерия, с которым познакомилась за день до вечеринки. Нет уж, если бы кто-то захотел меня засадить за решетку – а врагов у меня достаточно, – то придумал бы что-нибудь поумнее.

Я томно потянулась в кресле и прикурила новую сигарету. Приятно все-таки ощущать себя этакой... не знаю, как сказать. Не последним человеком в городе – это будет, пожалуй, самым точным определением. Хотя я не стремилась взлететь в необозримые выси. В Москву, например. Меня полностью устраивал мой нынешний статус, полуленивая жизнь, взрывающаяся иногда очередным журналистским расследованием. И я бы не сказала, что у меня аналитический склад ума или необыкновенные храбрость или хитрость, которые помогали мне расследовать преступления. Просто я была упорной, если не сказать упрямой, как ослица, и умела подмечать разные детали и детальки, из которых и складывалась постепенно картина преступления. Плюс работа папарацци, часами и днями сидящего с «Никоном» в засаде, чтобы запечатлеть желаемую фотографию. Иногда, конечно, приходилось идти на различного рода авантюры, но они были довольно безобидными, насколько я помню.

Я не любила планировать свой день заранее, поэтому не стала составлять себе заданий на завтра, а вернее, на сегодня. Просто выдернула штепсель домашнего телефона из розетки,

отключила «Моторолу», чтобы не подняли меня с утра пораньше – мне нужно было основательно выспаться. Удивительно еще, что я до сих пор не заснула в кресле, как это бывает, когда я выпью больше одного бокала шампанского. Видимо, сказался пережитый стресс.

Погасив свет, я прошла в спальню и очутилась в царстве Морфея еще до того, как моя голова коснулась подушки.

* * *

Черт побери! Я же отключила вчера все телефоны, или это мне приснилось? Открыв глаза, я увидела холодный свет пасмурного утра, пробивавшийся сквозь оконные шторы. Звонок, разбудивший меня, был не телефонным, это надрывался дверной. Перевела взгляд на круглые часы, висевшие над кроватью, – начало десятого. Откинув одеяло, я закуталась в халат и пошлепала в прихожую. Веки еще не вполне слушались меня, поэтому я даже не стала заглядывать в дверной «глазок», а просто поинтересовалась полусонным голосом, кто там.

– Это я, Оля, – ответил мужской голос.

Я не сразу сообразила, кому принадлежит этот голос, но когда, наконец, проснулась, поняла, что принадлежит он не кому-нибудь, а моему заму – Сергею Ивановичу Кряжимскому. Поэтому, немного повозившись с замком, я открыла дверь ипустила его.

Пожалуй, я не припомню случая, чтобы Кряжимский приходил ко мне в такую рань. Он знал о моей привычке – хорошо выспаться, и привести его ко мне могло разве что из ряда вон выходящее событие.

– Что случилось? – Я прошла в гостиную и забралась с ногами в кресло. – Кто-нибудь умер?

– Может, и не стоило поднимать тебя так рано, – извиняющимся тоном начал Кряжимский, – но она так настаивала, чтобы я связался с тобой. Я звонил и на домашний, и на мобильный, но...

– Я их отключила, как вы, наверное, догадались. Да присядьте вы, Сергей Иванович. – Я показала на соседнее кресло. – Кому это я так срочно понадобилась?

Кряжимский устроился в кресле.

– Первый раз она позвонила – еще восьми не было. – Кряжимский начал говорить немного спокойнее: – Я что-то сегодня рано проснулся – вот и пошел на работу. Чем мне еще заниматься-то? Ну, я сказал, что мы начинаем работать с девяти.

– Погодите-ка, – остановила я его, – разве сегодня не праздничный день? И потом, кому вы сказали, Сергей Иванович? – напустила я ему.

– Авдеевой, Авроре Кондратьевне, – уважительно произнес он. – А по поводу праздничного дня, так ведь сейчас кто хочет празднует, а кто хочет работает.

– Понятно, – кивнула я, удивившись про себя. – И что дальше?

– Потом она звонила каждые четверть часа и справлялась, не подошла ли ты на работу. Последний раз она позвонила минут двадцать назад и просто вынудила меня пообещать ей, что я заеду к тебе и сообщу, что она срочно хочет с тобой встретиться.

– Она не объяснила, зачем ей это нужно?

– Нет, – покачал головой Кряжимский, – сказала только, что срочно. Несколько раз повторила.

– Так, Сергей Иванович, – видя, что он переживает, успокоила его я, – я примерно представляю, зачем я ей понадобилась. Это не горит.

– А я уж заволновался, – признался Кряжимский, хотя по нему это и так было видно, – вдруг что-то важное.

– Может быть, и важное, – сказала я, поднимаясь, – но не побегу же я к ней сломя голову. Хотите кофе?

Сергей Иванович пожал плечами.

– Ну, составьте мне компанию, – я умоляюще посмотрела на него и пошла на кухню.

Он прошел за мной и устроился на табурете рядом со столом.

– Вы скорее всего еще ничего не знаете, – сказала я, занимаясь приготовлением завтрака, – если только Кирсанов не звонил вам среди ночи.

– А почему он должен звонить мне среди ночи? – удивился Кряжимский.

– Потому что вчера на вечеринке у Авдеевой была убита одна из приглашенных – Галина Береговская, жена Григория Береговского, который пришел вместе с ней, – сказала я.

– Ты шутишь? – не поверил Кряжимский.

– Какие уж тут шутки, – невесело усмехнулась я и поведала Кряжимскому обо всем, что случилось вчера у Авдеевой.

Он слушал с открытым ртом, иногда задавая мне вопросы.

– Теперь, – сказала я в завершение своего рассказа, – я одна из подозреваемых и думаю, что звонок Авдеевой связан с моей профессиональной деятельностью.

– И что же? – беспокойно заморгал Кряжимский. – Я как чувствовал, – всплеснул он руками, – отговаривал тебя от этой затеи.

– Ну, что теперь об этом говорить? Самое худшее уже случилось. И потом, знаете, что по этому поводу твердят психологи? Здоровую личность от нездоровой отличает как раз способность в любой неприятной или критической ситуации видеть какое-то позитивное зерно, умение извлекать из нее руководство к действию, а не идти на поводу у эмоций.

– Звучит хорошо, – засомневался Кряжимский, – только нужна ли нам вся эта шумиха?

– Ну что вы все время осторожничаете, Сергей Иванович? Может, этот инцидент, простите за неприкрытый цинизм, выведет нашу газету в авангард тарасовской прессы... – мечтательно произнесла я.

– А мы что, не в авангарде, что ли? – удивленно и немного обиженно посмотрел на меня Кряжимский.

– Ну так упрочим наши позиции. Я намерена расследовать это убийство. Спасти свое честное имя, – я бросила на своего зама гордый, горящий верой и убежденностью в собственных силах взгляд.

Ну не могу я без патетики, что из этого?

Глава 5

Распровавшись с озадаченным – если не с растерянным – Кряжимским, я закончила завтрак и включила телефон. Не успела я дойти до спальни, как он зазвонил. Я сняла трубку и ушам своим не поверила – на том конце провода, срываясь то на крик, то на всхлип, раздался грудной взволнованный голос Авроры Кондратьевны:

– Оля, здравствуйте. У меня мало времени. Нам нужно встретиться. Вы понимаете, о чем я говорю? На карту поставлено слишком многое. Я вас прошу не печатать те фотографии, которые вы вчера сделали, вернуть мне пленку. Вы слышите? Почему вы молчите? Поймите, если вы напечатаете фото и напишете статью, это будет катастрофой. Вы слышите меня, Оля?

– Я вас слышу, Аврора Кондратьевна, – спокойно сказала я.

– Скажите, куда мне подъехать? Нам надо все обговорить...

– Не беспокойтесь, я сама к вам приеду.

– Спасибо, Оля, – сказала Авдеева, – я вас жду.

– Не нужно меня благодарить, я еще ничего не сделала.

– Вот за это тоже спасибо. За то, что вы ничего не сделали.

– Хорошо, до встречи. – Я положила трубку и села в кресло.

Что ж, на ловца, как говорится, и зверь бежит. Все равно рано или поздно мне пришлось бы с ней встретиться. Так почему бы не сейчас? Я лишний раз порадовалась, что не наметила ничего на сегодняшнее утро, и стала собираться. Надела темно-серый в тонкую полоску брючный костюм, причесалась, слегка подкрасила губы. Взглянула в зеркало: очень даже ничего.

* * *

Через двадцать минут я подъехала к двухэтажному особняку, где располагался офис «Чайной розы». В холле стоял новый охранник, который, окинув меня безразличным взглядом, проверил мое редакционное удостоверение и пропустил меня. Поднявшись по лестнице, я прошла мимо кабинета Кирсанова и открыла дверь с надписью: «Секретарь».

Приемная была выдержана в таких же пастельных тонах, что и холл, только ее несколько оживляли искусственные растения в кадках. За столом, на котором стоял компьютер, вместо ожидаемой молоденькой девушки восседала дама лет пятидесяти с волосами, выкрашенными в рыжий цвет. Ее нельзя было назвать некрасивой, да и красивой я бы ее не назвала – она была никакая.

– Добрый день, – сказала я, – моя фамилия Бойкова. Аврора Кондратьевна ждет меня.

– Да, да, – она изобразила на своем лице улыбку, – проходите, пожалуйста.

Открыв высокую дубовую дверь, я очутилась в просторном кабинете, выдержанном в бледно-бежевых тонах. Аврора Кондратьевна встала из-за стола и встретила меня как хорошую знакомую.

– Доброе утро, Оленька, – Авдеева взяла меня под локоть и провела к низенькому столику, на котором стояли самовар, две чайные чашки, ваза с печеньем и конфетами, – чайку горяченького?

Она усадила меня в кресло и сама уселась напротив.

– Можно курить? – спросила я, не заметив на столе пепельницы.

– Конечно, о чем разговор, – улыбнулась Авдеева.

Поднявшись, она прошла к своему столу и принесла большую хрустальную пепельницу, в которой я насчитала с полдюжины окурков. «Нервничает Аврора Кондратьевна», – отметила я про себя и кивком поблагодарила ее.

– Оля, – торжественно произнесла она, когда мы налили чаю и сделали по глотку, – вы деловая девушка...

Я неопределенно пожала плечами.

– ...поэтому у меня к вам деловое предложение, – продолжила Авдеева.

– Интересно, – произнесла я, хотя догадывалась, о чем она собирается меня просить.

Видимо, она волновалась, потому что тоже достала сигарету и закурила. Я видела, как подрагивают пальцы ее ухоженных рук.

– Так вот, – сказала она, сделав несколько глубоких затяжек, – у вас есть то, что я хотела бы у вас купить. Деньги у меня есть, только назовите вашу цену.

– Я не совсем понимаю, о чем идет речь. – Я вопросительно посмотрела на нее. – Не могли бы вы объяснить немного подробнее?

– Хорошо, не будем играть в прятки, – деловито сказала она, и я почему-то вспомнила завершение вчерашнего вечера. – Я хочу купить у вас негативы, которые вы сделали в моем доме, и ваше молчание.

– Не понимаю, зачем вам пленка? – искренне удивилась я. – Я ведь снимала только интервью.

– Это моя проблема, – в ее голосе появились жесткие нотки. – Так вы согласны?

– Думаю, вопрос с пленкой мы можем уладить, – согласилась я.

– Сколько? – Она вопросительно посмотрела на меня.

– Ну... – я задумалась, – наверное, тысяча долларов.

– Так много! – воскликнула Авдеева.

– Считайте сами, – невозмутимо сказала я, – пленка, амортизация аппаратуры плюс работа...

– Я вижу, вы действительно деловой человек, – произнесла она, ломая окуроч в пепельнице, – и цените свое время и свое умение. Хорошо, я согласна.

Я усмехнулась в душе. Конечно, цифру я взяла с потолка и только для того, чтобы понять, насколько далеко она может зайти. Оказалось, что далеко. Я приготовилась слушать дальше. Аврора Кондратьевна допила чай и прикурила новую сигарету.

– Перейдем теперь к следующему вопросу, – сухо произнесла она. – Признаюсь, что вчерашний случай, – она так и сказала «случай», – может сильно повредить развитию моего предприятия и моей репутации, если о нем станет известно общественности. В фирму вложены огромные деньги, и я не могу позволить, чтобы мне на каждом углу перемывали косточки. Это катастрофически скажется на бизнесе. И потом, французы такие щепетильные люди. Они просто могут забрать деньги из уставного капитала, и тогда «Чайная роза» перестанет существовать. Вы видите, я с вами откровенна. – Она посмотрела мне в глаза.

– Да, Аврора Кондратьевна, я вижу, – невозмутимо ответила я, хотя и не была уверена, что она сказала мне всю правду.

– Вы понимаете, о чем я хочу вас просить? – Она многозначительно взглянула на меня.

– Понимаю, – согласилась я.

– Тогда назовите вашу цену. – Она вся напряглась. Я видела, как подергивается ее левое веко.

– Вы думаете, что если я не опубликую в «Свидетеле» статью об убийстве в вашем доме и никому об этом не скажу, то никто ничего не узнает? А как же милиция? Суд? Вы их тоже хотите купить? – Я с возмущением смотрела на Авдееву.

– Этот вопрос я уже решила, слава богу, – облегченно вздохнула она. – Никакого суда не будет, дело закроют, и никто ничего не узнает.

«Вот даже как! – Меня охватило негодование. – Это сколько же надо отвалить денег, чтобы найти людей, которые в состоянии решать такие вопросы. Какие нужно иметь связи!»

– А как же убийца? – резко спросила я. – Он что, будет гулять на свободе только потому, что у вас рушится бизнес?

– Только не надо читать мне мораль! – раздраженно воскликнула Авдеева. – Все равно убийцу не найдут. Нет никаких отпечатков, никаких улик, никаких доказательств. Самое главное, ни у кого нет мотива. Мне так и сказали: «Это «висяк»».

Мне было известно, что этим жаргонным словечком из лексикона оперов называют нераскрываемое в принципе убийство. Я рассеянно посмотрела в окно, за которым сыпал мелкий снег, и задумалась. Что же это получается? Если у тебя есть деньги, то тебе все позволено? Можно открыть дело, а можно закрыть дело, можно купить начальников вместе с потрохами, можно убивать безнаказанно. Только не попадайся.

– Оля, – услышала я строгий голос Авроры Кондратьевны и обернулась, – Оля, вы меня слышите?

– Да, конечно, – кивнула я.

– Так какова же ваша цена?

Она говорила это таким тоном, как будто вопрос был уже решен и осталось обговорить детали. Какая самоуверенность!

– Я не буду ничего продавать, – резко сказала я.

– То есть как? – изумилась Авдеева. – Мы же почти договорились. Вы получите очень много денег, Оля, – быстро заговорила она, – очень много. Вы даже себе не представляете, сколько вы можете получить. Хватит и вам, и вашим детям. Неужели вы всю жизнь хотите бегать и собирать какие-то материалы, чтобы потом подавать их неблагодарным читателям? Это не работа для такой красивой современной девушки, поверьте мне. Перед вами будут открыты все пути: вы сможете ездить по миру: Париж, Лондон, Рио-де-Жанейро. Вы увидите немеркнущие творения старых мастеров...

– Я собираюсь найти убийцу, – я не дала ей закончить тираду и упрямо сжала губы, – потому что, во-первых, этот человек опасен для общества, а во-вторых, и это самое главное, я – одна из подозреваемых, впрочем, так же как и вы, не забывайте об этом. Поэтому я предлагаю вам другую сделку.

Я пристально посмотрела на нее и, увидев, что она меня внимательно слушает, сказала:

– Я обещаю вам, что не буду публиковать статью об убийстве в вашем доме, – я намеренно произнесла «убийстве», а не «случае» или «происшествии», – а вы ответите на вопросы, которые у меня возникнут по ходу расследования. И никаких денег, согласны?

Она молчала. Наверное, была, мягко говоря, озадачена.

– Вы говорите, нет мотивов? – хладнокровно продолжила я. – Согласна, явных нет, но не могли же Галину убить просто ради шутки. Значит, есть скрытые мотивы, которые я и собираюсь раскопать. Но для этого мне нужна ваша помощь. Если вы откажетесь, я все равно найду убийцу, но тогда не обещаю вам, что сохраню все в тайне. Вам нечего бояться, – веско добавила я, – если, конечно, не вы убили Галину.

Это был хороший ход. Я видела борьбу эмоций на лице Авроры Кондратьевны, потом она все же приняла решение. Конечно, далось оно ей нелегко.

– Кажется, у меня нет выбора, – она со смесью досады и уважения взглянула на меня. – Хорошо, будем считать, что вы меня убедили. Что вы хотите от меня узнать?

* * *

От Авдеевой я узнала, что с Галиной Береговской, а тогда еще Чернышковой, она познакомилась на Лазурном берегу в Ницце, где они вместе отдыхали позапрошлым летом. Они встретились на пляже, разговорились, а потом оказалось, что и живут они в одном отеле, а в

России – в одном городе. Вечером в ресторане они отметили свое знакомство. Чернышкова, так же, как и Авдеева, была в Ницце одна, и все последующие дни они почти не расставались.

Авдеева проводила Галину, так как та уезжала раньше. Они обменялись телефонами и, вернувшись в Тарасов, иногда встречались или в ресторанах, или дома у Авроры Кондратьевны. К себе Галина ни разу ее не приглашала, а Авдеева и не напрашивалась к ней в гости, знала только, что Чернышкова живет в однокомнатной квартире неподалеку от центра и работает в небольшой туристической фирме под названием «Лазурь».

Через некоторое время Чернышкова вышла замуж за Григория Береговского. Свадьба была скромной, без всякой помпы, были только самые близкие люди, в том числе и Авдеева со своим новым кавалером Антоном Щеблановым. После этого Галина и Аврора Кондратьевна встречаться стали реже – это и понятно – семья отнимает много времени. Последний раз, не считая вчерашней вечеринки, Авдеева видела Береговскую в конце лета – та зашла к ней проконсультироваться по поводу косметики, выпускаемой «Чайной розой».

Встретиться шестого ноября предложила Аврора Кондратьевна – идти в ресторан не хотелось, а вдвоем с Антошей тоже было скучновато. Как она ни силилась, но так и не смогла вспомнить, кто предложил вчера играть в эту дурацкую игру, в результате которой Галина была убита.

Я поблагодарила Авдееву, узнала у нее номер ее сотового, сказала, чтобы она не беспокоилась по поводу моего умения молчать, и, чувствуя себя словно выжатый лимон, вышла из ее кабинета. Низкий двухместный диванчик и пара кресел, стоявшие в приемной, были заняты посетителями. Я даже не попрощалась с огненноволосой секретаршей, прошла мимо жаждущих увидеть Аврору Кондратьевну и с облегчением открыла дверь в коридор.

В дальнем конце коридора я заметила такой же небольшой диванчик, как в приемной у Авроры Кондратьевны, и направилась к нему. Достала сигарету, закурила и стала обдумывать свои следующие действия. Раз уж я здесь, можно было воспользоваться этим и поговорить с Кирсановым, но после разговора с Авдеевой я чувствовала такую усталость, что эта мысль показалась мне не самой удачной. Время было обеденное, и я решила где-нибудь перекусить, а уж потом, на сытый желудок, предпринимать дальнейшие шаги. Но судьба распорядилась по-другому. Я проходила мимо кабинета Кирсанова, когда дверь распахнулась, и я чуть не столкнулась с Валерием.

– Ты ко мне? – обрадованно воскликнул он. – Заходи.

– Ты куда-то собрался? – спросила я, заметив, что он в пальто.

– Хотел пообедать, но это может подождать. – Он потянул меня в кабинет.

– Нет, – я высвободила руку, – как раз это подождать не может. Я тоже хочу есть. Составишь мне компанию?

– Ты еще спрашиваешь! Куда пойдем?

Он закрыл дверь и запер ее на ключ.

– Мне все равно, – сказала я, направляясь к лестнице.

– Тогда в «Русь». Ты там была?

– Приходилось пару раз.

По дороге в ресторан Кирсанов был весел, острил, рассказывал какие-то анекдоты, словно ничего вчера не произошло. Я спрашивала себя, если бы он убил Галину, стал бы он так себя вести? Но тут же задала себе другой вопрос: если он не убивал, то почему так себя ведет? Неужели у человека нет ни капли сострадания? И не находила ответа.

Возле двухэтажного дома, в полуподвале которого разместился ресторан «Русь», стояло несколько дорогих иномарок. «Ауди» Кирсанова не выбивался из них, но и не был самым крутым. Когда я выходила из машины, он предложил мне оставить «Никон» в салоне.

– Никуда он не денется, машина на сигнализации, – попытался заверить он меня.

– Нет уж, – отказалась я, – он должен быть всегда со мной. Это мое оружие.

– Оружие, – усмехнулся он, захлопывая дверцу. – Может быть, ночью ты держишь его под подушкой?

– Не умничай, – одернула я его и пошла к входу.

Оставив пальто в гардеробе, мы вошли в зал. Видимо, Кирсанов был здесь завсегдатаем. Он раскланивался направо и налево с обедающими, пока мы шли, сопровождаемые миниатюрной смазливой официанткой, в дальний конец ресторана. В ресторане было три зала, расположенных анфиладой, и последний, где нас посадили, был самым маленьким и самым уютным. Оставив меню, официантка удалилась, и Кирсанов подал его мне.

– Что будешь есть? – Он внимательно посмотрел на меня. – Здесь подают отличные бифштексы, с кровью.

– Нет, крови с меня достаточно, – намекнула я на вчерашний инцидент, – я бы проглотила что-нибудь остренькое. Только не надо ничего говорить про кинжал, – нахмурилась я, предвидя его глупую шутку.

– Тогда шашлык, – предложил он и сделал знак официантке.

Она тут же подошла и приняла заказ.

– Что будешь пить? – Он приковал ко мне свои серые глаза, которые сегодня казались на удивление внимательными и даже теплыми не в пример равнодушному Валериному отношению к вчерашнему происшествию.

– Персиковый сок, – сказала я.

После этого достала с независимым видом сигареты и закурила.

– И еще сто пятьдесят коньяка, – завершил заказ Кирсанов.

– Я хотела с тобой поговорить, – скроила я серьезную физиономию.

– Это уже интересно, – усмехнулся Кирсанов, – и о чем?

– Только для начала я хочу, чтобы ты проникся важностью того, о чем пойдет речь, – я выжидательно посмотрела на Валерия, но он молчал, – я, видишь ли, решила заняться расследованием обстоятельств убийства Галины.

– Неужели? – беззаботно улыбнулся Валерий. – Так я тебе нужен только в качестве свидетеля? Но ведь ты и сама там была...

– Да, была, – нетерпеливо сказала я, – но я только вчера познакомилась с присутствовавшими, – акцентировала я последнее слово, – а ты ведь не впервые вчера встречался с Авдеевой и Береговскими.

– Но я ведь могу и не отвечать на твои вопросы, – язвительно усмехнулся Валерий, который явно был разочарован тем, что понадобился мне только в качестве свидетеля.

– Можешь и не отвечать, – ровным голосом произнесла я, одарив при этом Валерия жестким взглядом, – убийство я все равно раскрою.

– На одном упрямстве далеко не уедешь, – холодно заметил Валерий, ставший снова чопорным и высокомерным.

– Ну так помоги мне, – неожиданно доверительно посмотрела я на него, – мне кажется, вчера мы неплохо ладили, – решила я применить женскую дипломатию, – ты же тоже должен быть заинтересован в раскрытии этого преступления. Все мы невыездные...

– В ближайшее время я никуда не собираюсь, – иронично посмотрел на меня Валерий, – а вот и наш заказ!

К нашему столу спешила официантка с подносом. Подойдя, она поставила на стол тарелки с салатом и шашлыком, а перед Кирсановым опустила на стол графинчик, на две трети наполненный янтарно-коричневой жидкостью.

– Приятного аппетита, – слащаво улыбнулась официантка.

– Спасибо, – с достоинством поблагодарил ее Кирсанов и принялся протирать салфеткой вилку и нож. – Как тебе? – обратился он ко мне, указывая глазами на шашлык.

– Смотрится отлично. Будем пробовать. – Я взяла нож и вилку.

- Ну, – Кирсанов поднял рюмку, – за тебя!
- Звучит неплохо, только я не пойму, чем заслужила такое внимание? – кокетливо улыбнулась я.
- Не каждый день встречаются такие неординарные девушки, как ты. – Он опорожнил рюмку и принялся за салат.
- Расскажи мне о Галине, – попросила я, – просто расскажи.
- Что же я могу про нее рассказать? – изобразил удивление Валерий.
- Ну, ты же вчера сказал мне, что вы познакомились на пикнике... – напомнила я.
- Сказал, ну и что? – спокойно поднял на меня глаза Валерий.
- В его голосе чувствовалась какая-то холодность и отстраненность.
- Она была приглашена твоим другом, – продолжила я.
- Послушай, – с оттенком раздражения произнес Валерий, – мы все-таки за столом. Давай найдем более приятную тему для беседы.
- А чем для тебя неприятна эта тема? – наивно спросила я, перестав жевать.
- Зачем без конца вспоминать одно и то же? Это прошлое: Галина, Колька, пикник. Прошло уже три года.
- Так твоего друга зовут Николай? – уцепилась я за тоненькую соломинку.
- Звали, – отрезал Валерий. – Он что, умер? – заинтересовалась я.
- Для меня – да, – лицо Валерия стало мрачным, тон – резким и нетерпимым.
- Я поняла, что задела что-то болезненно-личное. Только вот захочет ли Валерий продолжать разговор?
- Вы поссорились? – предположила я.
- Какое тебе до всего этого дело? – недовольно сказал Валерий. – И какое это имеет отношение к тому, что произошло вчера? Не-ет! – с раздражением и досадой бросил он нож и вилку. – Кажется, я не смогу сегодня нормально пообедать!
- Хорошо, – пошла я навстречу, – давай перенесем этот разговор на более позднее время.
- Закончив трапезу, мы решили немного прогуляться. Было холодно, но промозглая сырость, характерная для конца октября и начала ноября, уступила место сухому морозному воздуху.
- Ты сказал, что был женат, – осторожно начала я послеобеденную беседу, – давно?
- Год назад развелся, – с неохотой сказал Валерий. – Смотри-ка, смотри, – внезапно оживился он, проводя взглядом солидного дядю в кожаном пальто, – видно, не только я уязвим для твоих чар... Этот толстяк едва не просверлил в тебе дырку глазами.
- Я не обделена мужским вниманием, но что из того? – с кокетливой скромностью произнесла я. – И сколько вы прожили вместе?
- Два года.
- А что послужило причиной развода? – упорствовала я.
- Это мое дело, не суй свой симпатичный носик куда не следует, – с наигранной шутливостью ответил Валерий, и я поняла, что исповеди от него не дожусь.
- А твой друг Коля причастен к вашему разводу? – осенила меня догадка.
- Валерий остановился и строго посмотрел на меня.
- Я же тебе только что сказал...
- В его голосе мне послышалось возмущение.
- Прости, – поспешила ретироваться я, – просто интересно. Сам понимаешь, мы, женщины...
- Тебя я считал немного другой, – Валерий отвел глаза.
- Какой же? – Я вопросительно посмотрела на него.

– Живущей своими собственными заботами, – не очень вразумительно ответил Кирсанов, поднимая воротник пальто и прикрывая веки, чтобы неожиданно слетевшая с заиндевелых веток снежная пыль не попала в глаза.

– А Григорий, когда он познакомился с Галиной? – попытала я опять счастье.

– Год назад.

– Это ты их познакомил? – высказала я предположение.

– Да. Вернее, они сами познакомились. В агентстве, где работает... работала, – поправился он, – Галина.

– Но с твоей подачи? – решила я уточнить.

– Ну, как сказать, – задумался он, – да какое это имеет значение?

– В расследовании зачастую не знаешь, какая деталь окажется решающей...

– Ты что, меня подозреваешь? – насторожился он. Выражение его глаз стало неприкрыто враждебным. – Мне это незачем было делать. Ревность? – скажешь ты. Но если бы я захотел, Галина по-прежнему была бы со мной.

– Так ведь ты же сказал, что у тебя с ней ничего не было? – поймала я его в ловушку.

– Я говорил гипотетически... – уклонился он от прямого ответа.

– Когда – гипотетически: вчера или сегодня? – Я смотрела на него в упор. Он поежился, словно озляб.

– Пойдем к машине. Что-то мне холодно, – быстро проговорил он, поворачивая назад по Немецкой.

– Так было у тебя что-то с Галиной или не было? – не отставала я от Валерия, когда мы уже почти бежали.

– Не было. И мотива убивать ее – тоже. Заруби себе это на носу! – грубо выкрикнул он.

Он открыл передо мной дверцу. В его движении сквозили разочарование и досада. Жест получился каким-то озлобленным.

– Почему же ты тогда назвал в качестве возможного мотива убийства ревность?

Я казалась самой себе таким маленьким, но настырным бульдогом, вцепившимся в горло злоумышленнику.

– Да что ты пристала ко мне? – взвыл Валерий. – Просто предположил, что если ты подумала, что у меня все-таки был с Галей роман, а его у меня не было и быть не могло в принципе, то единственный возможный мотив, который был бы у меня, если бы я... – запутался Валерий, ожесточенно махнул рукой и нажал педаль акселератора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.